



СЕРГЕЙ МАРТЬЯНОВ
**ПЕРВЫЕ
ЗАЛПЫ**



СЕРГЕЙ МАРТЬЯНОВ

ПЕРВЫЕ ЗАЛПЫ

Документальная повесть

Честь · отвага · мужество

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1965**

P2
M30

1. ЧЕЛОВЕК С ТОГО БЕРЕГА

На заставе он пробыл ровно столько, сколько потребовалось для того, чтобы переодеться в сухое красноармейское обмундирование, принесенное старшиной из каптерки. Сведения, сообщенные им, были так важны, что ему не позволили ни отдохнуть, ни поесть, а только дали кружку остывшего чая — унять нервную дрожь. Капитан Кондратьев из комендатуры и капитан Солдатов из отряда опрашивали его, пока он переодевался. Они же должны были немедленно отвезти его в Волчин, а оттуда и дальше. Да, дело было чрезвычайной важности и срочности.

Собственно, того, о чем сообщил этот человек, и нужно было ожидать. Вчера вечером об этом же крикнул кто-то с середины Буга. Об этом же самом. И все же в это было очень трудно, почти невозможно поверить.

Младший лейтенант Василий Горбунов, начальник заставы, в упор, со строгим любопытством разглядывал незнакомца. Тот торопливо стягивал с себя мокрую одежду и бросал ее прямо на пол, у своих ног. На вид ему было лет сорок пять,



не меньше. Морщинистое усатое лицо, щеточка жидких рыжих усов, на жилистой шее — православный крестик.

Говорил он торопясь, сбиваясь, перемешивая русские, белорусские и польские слова, — так что



капитану Кондратьеву и капитану Солдатову приходилось то и дело останавливать его и переспрашивать, чтобы понять, что к чему.

В общем типичный крестьянин из западных белорусов, местный житель. И все же что-то знакомое было в этом человеке — в его высокой сутулой фигуре, в щеточке рыжих усов, — словно где-то младший лейтенант уже встречался с ним, и, пожалуй, не раз. Но где и когда?

Впрочем, может, и не встречался, а путает его с кем-то другим: ведь человек этот только что приплыл с того берега Буга. Скорее всего он житель Польши, одной из прибугских польских деревень, и в таком случае его можно было видеть в бинокль через реку.

Так неужели уже завтра, в четыре часа утра?! «То правда, правда, в четыре часа Гитлер ударит... Так, так!» — твердил человек, и оба капитана многозначительно переглядывались, будто знали что-то такое, что позволяло им верить этому человеку, его страшной вести.

Самое важное было в этой точности — четыре часа утра. Младший лейтенант уже прикидывал в уме, как он поднимет по тревоге заставу, как будет поднята вся комендатура, весь отряд; как будут приведены в полную боевую готовность все приграничные части и соединения Красной Армии.

Но тут же он вспомнил и о другом: дней пять назад приезжал политрук из отряда, велел собрать бойцов в Ленинской комнате и, когда они собрались, прочитал им вслух сообщение ТАСС от 14 июня, особенно напирая на строки: «...по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы». Когда же один из бойцов спросил: «А для чего Гитлер подтягивает войска к границе?» — политрук отрезал:

— Нужно верить документу, товарищ. В документе черным по белому написано: слухи о войне лишены всякой почвы!

Но вот — человек с того берега Буга, и он предупреждает: завтра утром, в четыре часа... Остает-

ся три с половиной часа. До нападения. Если верить этому человеку.

А тот уже надел сухие красноармейские брюки, сухую гимнастерку и вопросительно глянул на капитанов.

— Поехали, — сказал Солдатов, высокий и сухощавый, с бледным нервным лицом.

Горбунов проводил их во двор, к грузовой машине.

Шофер уже сидел в кабине.

Капитан Солдатов и человек, переплывший Буг, залезли в кузов, а капитан Кондратьев занял место рядом с водителем.

Горбунов все ждал, что они скажут перед отъездом, какие дадут распоряжения. Ждал и помалкивал. Напрашиваться самому на указания было не его правилах.

Но что могли сказать эти два капитана?

Перед тем как захлопнуть дверцу, Кондратьев обронил:

— Главное — не поддаваться панике. Ждите указаний!

И все. И машина быстро исчезла в темноте.

Они поехали в село Волчин, где стоит комендатура, а оттуда скорее всего в Брест, где расположен штаб пограничного отряда. До Бреста отсюда сорок с лишним километров. По здешним дорогам приедут в штаб часа через полтора, не раньше.

Кругом было тихо. Пахло сохнувшим сеном и пылью. Чернели яблони и тополя. В хатах не светилося ни одно окно. Новоселки, большая деревня, в центре которой стояла застава, спала.

— Часовой, что заметно в деревне? — требова-

тельно, окающим по-волжски голосом спросил Горбунов.

— Недавно Павел Шумер откуда-то вернулся, товарищ младший лейтенант, — ответил часовой, выступая из темноты.

— О Шумере я знаю. Еще что?

— А так все нормально. Режим соблюдается.

— Следите за сигналами с границы.

— Есть!

Горбунов вернулся в канцелярию. На полу еще валялась мокрая одежда человека, которого только что увезли. От нее по гладким половицам растекалась лужа.

Горбунов позвал дежурного, приказал послать на квартиру за замполитом Горбачевым и проверять через каждые полчаса телефонную связь.

Нет, он не сомневался, что нужно быть готовым ко всему. Вот уже несколько дней наряды наблюдают, как фашисты подтягивают к границе артиллерию, танки и пехоту... Как на правом фланге участка, около деревни Барсуки, они проложили дорогу до самого Буга. Как их офицеры в бинокли и стереотрубы следят за тем, что происходит на нашей территории, и делают какие-то пометки в блокнотах и на картах. И как в ночь на пятницу на их стороне была скошена вся рожь на полях, сползающих по пологому берегу от деревень к реке.

Все это слишком серьезно.

А вчера под вечер замполит Горбачев и ефрейтор Капинос шли по самому берегу Буга — проверяли пограничные столбы. Обычно наряды ходят вдали от берега, маскируясь в кустах, а Горбачев и Капинос шли не скрываясь, потому что надо

было осматривать каждый столб — от основания до металлического герба и номера. Когда Горбачев и Капинос проходили по центру участка, напротив польской деревни Старый Бубель, с того берега вошли в воду двое мужчин. Один из них остался купаться у своего берега, другой быстро поплыл к нашему. Не доплыв до него метров тридцать или сорок, он крикнул, что двадцать второго июня в четыре часа утра Гитлер ударит по Советскому Союзу. Крикнув это, человек поплыл обратно. Горбачев тут же, по телефону, доложил об этом на заставу, а он, Горбунов, — в штаб комендатуры дежурному Милославскому.

Из штаба сообщили, что примут меры. А какие меры? Начальство не очень-то посвящает в свои действия.

Правда, он, Горбунов, кое о чем догадывается, не маленький. Сегодня днем, например, капитан Кондратьев уже приезжал на заставу, интересовался, дома ли новоселковский житель Павел Шумер. А сейчас вот и часовой доложил о Шумере. И тот же Кондратьев вместе с Солдатовым привезли с берега Буга этого человека и приказали переодеть в сухое красноармейское обмундирование. И он подтвердил то же самое, что крикнул вчера тот, другой, с середины реки...

Зазвонил телефон. Горбунов торопливо взял трубку. Говорил начальник отряда.

— Ведите усиленное наблюдение за противоположным берегом Буга. Обо всем замеченном докладывайте немедленно.

Как же все-таки быть? Почему не подняты по тревоге все заставы, все приграничные части?

Впрочем, понятно, начальник отряда сам не волен решать такие вопросы. Он докладывает по команде, а в Москве доложат товарищу Сталину. И как только доложат, товарищ Сталин примет нужное решение. И тогда придет указание, как действовать.

Но ведь он, младший лейтенант Горбунов, уже знает, что завтра в четыре часа утра фашисты нападут на Советский Союз. Знает. И верит в это.

Значит, надо действовать!

В карту можно и не заглядывать. Горбунов знал участок границы, как свои собственные ладони. Наиболее вероятно, что фашисты наладят переправу через Буг на правом фланге, у ветряной мельницы. Здесь их берег низкий и зарос кустарником, а наш высокий, обрывистый, и под его прикрытием можно незаметно, а главное, безопасно высадиться и начать наступление. Там, на высоком берегу, и надо встретить врага. Туда послать усиленный пограничный наряд с ручным пулеметом и служебной собакой для связи.

Итак, действовать!

2. ДРУЗЬЯ ПОЗНАЮТСЯ В БЕДЕ

Все началось с того, что господин обер-лейтенант, живший в доме Антона Ивановича Ярошука, выпил против обыкновения три стопки шнапеа подряд. Он выпил их, закусил тремя ломтиками сала и неожиданно расчувствовался.

— О бедная, несчастная Марта! — повторял он

жалобно, обращаясь к фотографии в рамке, которая стояла у него на столе.

С фотографии смотрело доброе лицо женщины со светлыми локонами.

— О моя бедная Марта! Что теперь с нами будет?

Господин обер-лейтенант говорил по-немецки, но Антон Иванович понимал его: за двадцать месяцев германской оккупации Польши можно было привыкнуть к этому языку. Ярошук сидел в кухне и в открытую дверь хорошо видел и слышал, что происходило в комнате у постояльца.

Жил он у них уже месяц — приехал с воинской строительно-дорожной частью, служил не то техником, не то инженером, и было ему пятьдесят лет. Пятьдесят лет господину обер-лейтенанту, и виски у него уже седые, и на брюшке еле стягивается военный френч мышинного цвета.

В отличие от других немцев, стоявших в деревне, был он вежлив, обходителен, никогда никого не трогал, никому не грозил пистолетом. Требовал только, чтобы в хате всегда было чисто и чтобы хозяйка, Нина Андреевна, ежедневно подавала ему сало, молоко и яйца. Не смея излить на господина офицера свою злость, она еще с большим рвением вымещала ее на своем муже — человеке смирном и медлительном. А он только посмеивался в усы и делал свое дело.

«Чего он нюни распустил?» — думал Ярошук, наблюдая за немцем.

Марта была женой этого немца, и фотография ее появилась на столе сразу же, как только офицер поселился в их доме.

«Может, что-нибудь стряслось с его жинкой?»

Между тем постоялец заметил Ярошука и по-манил к себе пальцем.

— Завтра мы уезжаем, — сказал он печально, наливая в стакан шнапса.

— Да-а? — протянул Ярошук, радуясь тому, что немец съедет от них. — Скоро супругу увидите?

— Не знаю, ничего не знаю, — опять печально ответил немец, и глаза его затуманились. — Давайте выпьем, Антон.

— Спасибо!

Они чокнулись, выпили, помолчали.

Господин офицер и раньше позволял себе беседовать с Антоном Ивановичем и однажды даже проболтался, что он — сапер и что германская армия строит шоссейную дорогу от Янув-Подляска через их деревню к берегу Буга. О, эта дорога пройдет через Советский Союз на юг, в Иран, и по ней будут возить в Германию иранскую нефть. Русские камрады разрешили им проложить этот путь. Ярошук был простым, малограмотным крестьянином и не знал, где находится этот Иран и почему из него нужно возить нефть через деревню Барсуки, но он прекрасно видел, как однажды утром новая дорога со стороны Буга оказалась обсаженной высокими соснами. За одну ночь — и вся обсажена! И в простоте душевной спросил: зачем? О, это для того, чтобы создать тень, чтобы не пекло солнце! — улыбаясь, объяснил тогда господин офицер.

Сейчас он совсем охмелел от четвертой стопки, но был как-то странно молчалив и печален.

Ярошуку даже стало жалко его:

— Захв о р а л и, господин обер-лейтенант?

— Нет, — ответил немец. — Послушайте, что я вам скажу. Завтра, в пятницу, мы уедем из Барсуков, а сюда приедут другие.

— Понятно...

— Будет война!

— Что?! — опешил Ярошук.

— Война будет...

— С кем? — не понял Ярошук.

— С русскими.

— Вот тебе раз! — удивился Ярошук. — То были «камрады», а теперь война.

— Наш фюрер окончательно потерял голову.

— А скоро начнется-то?

— В воскресенье, в четыре часа утра.

— Через два дня?! — охнул Ярошук.

— Так. Надеюсь, что этот разговор останется между нами? Впрочем, мне безразлично! Мавр сделал свое дело, мавр может уйти, — офицер допил весь шнапс и завалился спать: был уже вечер, а завтра на рассвете саперный батальон уступал место одной из боевых частей вермахта.

Всю ночь Антон не мог уснуть. Так вот для чего немцы ладили эту несчастную дорогу! Вот



зачем с ранней весны все прибавлялось и прибавлялось их над Бугом! Через Грудянский лес, между Янув-Подляска и Бела-Подляска, закрыта шоссейная дорога, потому что весь лес, говорят, завален военным снаряжением и боеприпасами. И приходится делать большой крюк в сторону. А в самые последние дни немцы рыли окопы и блиндажи, маскировали их деревьями и кустами. Рыли где попало, не считаясь с тем, что уничтожали поля ржи, пшеницы, картошки — лишь бы из-за Буга не было видно.

И все это — ночью, а днем — тихо.

Люди в деревне понимали: быть беде! Но в это как-то не хотелось верить: опять война?..

И начнется она, оказывается, в воскресенье, в четыре часа утра!

Ах, боже ж мой, боже ж мой!..

И сам Антон Иванович, и его родной брат Иосиф Иванович из Гнойного, и их двоюродный брат Павел Калистратович Дудко из Старого Бубеля, и другие родичи и земляки, проживавшие в бывшем Константиновском уезде бывшей Холмской губернии, в пятнадцатом году были эвакуированы в Россию и нашли там приют. Вся многочисленная семья Ярощуков до двадцать второго года жила в Тобольской губернии среди русских.

Что же теперь делать? Ведь сонного да доброго одолеть просто! Как предупредить? Как дать знать на тот берег?

Всю ночь за окном шумели моторы и лязгали гусеницы. Хата дрожала, звенели стаканы на полке, а собака во дворе забилась под крыльцо и молчала. На улицу не суйся — пристрелят на месте. Во

всех приграничных селах вот уже несколько дней — комендантский час.

И все же как попасть за Буг? Как дать знак?

Село Барсуки тянулось длинной-предлинной улицей, в два порядка, от леса прямо к Бугу. Ярошук жил на дальнем от реки конце деревни. А на самом берегу немцы построили вышку, на ней торчит часовой. Нет, не подобраться даже к этому берегу, не то что доплыть к тому, до деревни, где стоит советская застава.

Так ничего и не придумав, Антон Иванович задремал, а рано утром во двор въехала машина с красным крестом на кузове. Минут через пять за господином обер-лейтенантом, молчаливым и хмурым с похмелья, заехали саперы; санитары заняли его комнату. Они бесцеремонно расхаживали по хате, по двору, по саду, а когда двухлетняя дочка Ярошука Валя порезала себе палец, один из них охотно завязал его бинтом и, смеясь, сказал другому:

— Вот и первый раненый...

Немец даже посоветовал Андреевне спрятать такую маленькую девочку куда-нибудь подальше, потому что здесь скоро будет «паф-паф». Правда, это будет продолжаться недолго, всего полчаса, но зачем подвергать ребенка риску?

— Это почему же «паф-паф»? С какой такой стати?! — всполошилась Андреевна, мешая немецкие, польские и украинские слова.

— Но-но, почему вы так взволнованы? — удивленно сказал один из санитаров.

— Почему, спрашиваю, стрельба будет? Или

оглох?! — воинственно повторила Андреевна, подхватывая дочку на руки.

Струхнувший Антон Иванович с замиранием сердца следил за этой сценой.

Но немец был благодушен и даже учтив:

— Охотно поясню, почему стрельба: так надо. Так приказал наш фюрер...

Стоявшие рядом немцы вздернули руки и рывкнули во все горло:

— Хайль Гитлер!

— Хайль Гитлер! — ответил им долговязый и, круто повернувшись, пошел в хату спать после ночного марша.

Часов в одиннадцать прибежал из Гнойного брат Иосиф. Он был старше Антона, но, несмотря на это, отличался непоседливостью и живостью характера. Отмахать шесть верст от своей деревни ему ничего не стоило!

Ведь такая новость: сегодня утром немецкий унтер-офицер ходил в Гнойном по дворам и объявлял: кто имеет малых детей, пусть уезжают с ними подальше от Буга или прячутся в схороны, и пусть все запасаются водой и пищей. Не слышал ли что нового брат Антон?

Тот пересказал ему все, что узнал вчера от своего постояльца.

— Послезавтра, в четыре часа утра!.. Бог ты мой! Значит, правду люди по селам говорят...

Иосиф Иванович сразу стих, помрачнел и заторопился домой.

Антон не стал его задерживать. Они только уго-

ворились, что надо забрать жен, детей и уехать от греха подальше. Да еще бы как-нибудь дать знать на тот берег Буга...

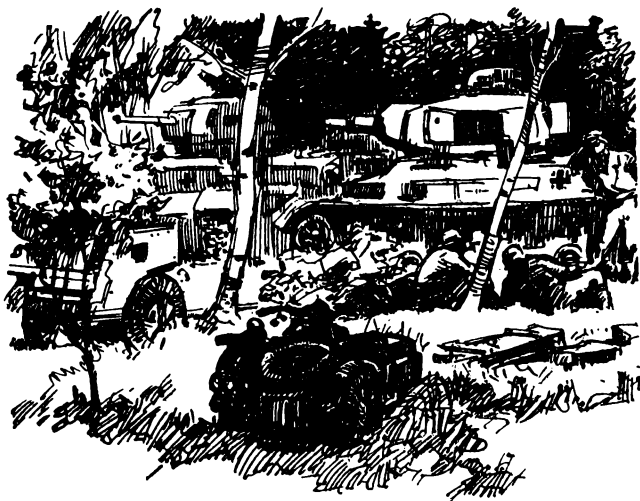
Иосиф Ярощук торопился домой. Дорога почти все время шла через сухой сосновый лес и была забита немецкими танками, машинами, понтонами, конными повозками, походными кухнями. Все это стояло в два, а то и в три ряда, вплитирку одно к одному, неподвижное, покрытое пылью дальних дорог. Возле колонн прохаживались вооруженные часовые в касках и равнодушно поглядывали на Ярощука. В глубине леса виднелись палатки, составленные в козлы ружья, фигуры солдат. Слышался сдержанный говор.

«Господи ж, боже мой, боже мой!» — шептал Иосиф Иванович, боязливо пробираясь обочиной дороги и ежеминутно ожидая, что его схватят. Но немцы были озабочены своими приготовлениями и не обращали на него никакого внимания.

И оттого, что они не обращали на него внимания, что пришли сюда, на его родную землю, со своими пушками и походными кухнями и вот сейчас только ждали команды, чтобы броситься через Буг, у него закипало сердце, и постепенно он перестал бояться, а, сжимая кулаки, посылал беззвучные проклятия этим мордастым солдатам в рогатых касках.

Проклятые фашисты! Жадные, жирные свиньи! Чтoб вас поразило громом и наказала святая дева Мария!

Он вспомнил, как здорово на свадьбе у Боле-



слава Каплуна подурачили двух «судетов» * из пограничной «вахи». В тот вечер они арестовали Александра Семенюка за участие в «беспорядках» и вели его на веревке по улице в свою проклятую «ваху». Ну, и зашли на огонек к Болеславу Каплуну. Гости недружелюбно притихли, но не станешь же выгонять немецкое начальство? А «судеты» привязали Семенюка веревкой к печной дверце и потребовали водки. Им налили. Они выпили за здоровье и счастье жениха и невесты. Им

* Судетские немцы знали славянские языки и потому составляли здесь пограничную охрану рейха.



еще налили. А Семенюк стоял со связанными руками, прямой и гордый. И тогда Болеслав сказал господам немцам, что он научит их хорошей польской песне — только пусть они выпьют еще стакан и еще один стакан. «Судеты» выпили и захмелели. А Болеслав запел.

Это была славная песня польских повстанцев, разбросанных по всему свету. И все гости встали со своих мест и подхватили эту песню, бросая ее гордые слова прямо в пьяные рожи гитлеровских

солдат. А те, плохо соображая, пьяно горланили эти же слова вместе со всеми.

Это была любопытная картина: немецкие солдаты пели польскую песню!

Потом они увели Семенюка к себе на «ваху».

Гнев, негодование, чувство собственного бессилия испытывал сейчас Ярошук, вспомнив этот недавний случай.

Он прибежал домой, выпил квасу, немного покрутился во дворе, в хате, велел жене Ольге ждать его, никуда не отлучаться и побежал в деревню Старый Бубель, в которой жил его двоюродный брат Павел Калистратович Дудко.

Этот уж что-нибудь придумает! Самый грамотный на деревне, самый «политичный».

Возле Старого Бубеля места были безлесные, открытые — поля ржи и картошки, мелкий кустарник, — и немецкие войска здесь не скапливались. Так, пройдет машина-другая с солдатами да даст о себе знать пограничная «ваха», что стоит за Старым Бубелем в маленькой деревеньке Бубель-Луковиско. Здесь и штатским было полегче двигаться по дорогам и вдоль самого берега.

И все-таки риск был большой, и не каждый бы решился на то, на что решился Павел Калистратович Дудко: переплыть реку и сообщить советским пограничникам...

Германская «ваха» стояла в какой-нибудь версте от дома, патрули с овчарками то и дело рыскали по огородам и вдоль реки. Сам начальник

«вахи» обер-лейтенант Фук, вездесущий как дьявол, проверял посты по всему участку границы. С ним шутки плохи. Не дай бог попасться ему в лапы!

Но ничто не могло изменить решения Павла Дудко. Двоюродный брат Иосиф уже бежал к себе в Гнойное, а он все еще ходил по двору, поглядывал на небо и клял солнце, дневной свет. Скорей бы смеркалось! Было только лишь три часа пополудни, и солнце светило над самой головой ярко и беззаботно. Пойма реки с редким низким кустарником, с копнами сена, с бочажками черной воды хорошо просматривалась с высокого берега, где стояла «ваха», возле которой все время дежурил часовой. Нет, рисковать нельзя, лучше дожидаться темноты. Если поймут, никто уже больше не успеет предупредить русских!

Вот он, их берег, виднеется за Бугом — невысокий тихий берег в кустах ольхи и высокой осоки. А выше на песчаных рыжих холмах — молоденькие сосенки, а еще выше и дальше — зеленое поле и за ним — Новоселки. Советская деревня Новоселки. Отсюда она как на ладони. Хаты, сарай, две ветряные мельницы, застава. Видно, когда выходят солдаты, когда выезжает на белом коне начальник. Все видно. И как строят в обе стороны от Новоселок железобетонные огневые точки, тоже видно.

Правее Новоселок — густая дубовая роща, и в ней, если присмотреться получше, на уровне кудрявых вершин — пограничная вышка. А левее Новоселок — сосновый лес, берег постепенно повышается, и далеко слева, перед деревней Немирово,

на обрывистом берегу стоит старая ветряная мельница. Но ее отсюда уже не видно.

Павлу Калистратовичу те места хорошо знакомы. До осени тридцать девятого года тут не было никакой границы. Садись в лодку и переезжай. Дудко не раз бывал и в Новоселках, и в Волчине, и в Высоко-Литовске, и в самом Бресте. И сейчас там проживает его родня. Кого только нет! И дядья, и тетки, и кумовья... Года не хватит, чтобы побывать у всех.

Что же станет с ними в воскресенье-то, в четыре часа утра? Так и будут спать, ничего не зная до последней минуты?

В пятнадцатом году Павлу Дудко было одиннадцать лет, и он хорошо помнит, как тянулись бесконечным потоком подводы беженцев — подалее от дымных пожарищ, от глухих артиллерийских раскатов.

Вся их семья — отец, мать, трое сестер — оказалась тогда в Бугуруслане Самарской губернии, и там отец определил Павла продолжать учение в реальном училище. Интересный был человек его отец! Сам никогда не учился, а сына определил в реальное. Павел окончил два класса, но тут умерла от дизентерии его мать; отец переехал с детьми в Екатеринославскую губернию и опять устроил Павла учиться. Через год и сам отец помер от тифа, и Павлу пришлось бросить училище. Но он все же успел окончить три класса реального, а до этого — четыре класса приходской школы у себя в Старом Бубеле и был самым «ученым» в семье. И вообще он был очень любознательным парнишкой, любил читать, жадно тянулся к знани-

ям. Батрачил у кулака в селе Дубровка и видел крутые зигзаги пестрой и бурной жизни тех лет. То красные, то белые, то Махно, то опять красные. Павел все это запоминал, обдумывал и потом любил рассказывать другим и о том, что увидел, и о том, что услышал или прочитал в книгах. Эта привычка осталась у него на всю жизнь.

Уже вернувшись после двадцать второго года домой, в родной Старый Бубель, уже обзаведясь кое-каким хозяйством и своей семьей, он стал на деревне первым просветителем и агитатором. Доставал книги, выписывал прогрессивные польские и белорусские газеты и журналы, собирал вокруг себя односельчан, читал им вслух или рассказывал о жизни в России и на белом свете. Долгими зимними вечерами в хате у него собирались люди, слушали, дымили табаком, качали головами: вон какая жизнь в Советах! Без панов и жандармов, своя власть, своя земля.

Потом из-за Буга появились листовки. Пачку таких листовок коммунисты вручили Павлу Калистратовичу перед престольным праздником преображения: разбросай! Он разбросал. Прямо на богослужении, которое проводил сам епископ. Многие вызывали потом в жандармерию, и Павла Дудко тоже, допрашивали. Никто не выдал его, никто не сказал, откуда листовки.

А в сентябре тридцать девятого года докатилась до Старого Бубеля весть: идет Красная Армия! Вот она все ближе и ближе, вот уже вышла на Буг и завтра будет у них. Уже приготовили хлеб-соль, уже вывесили красные флаги, но советские бойцы остановились на том берегу.

А сейчас вот, может, и не знают, что на них нацелены орудия и танки ждут своего часа...

Нет, нельзя их оставить в беде! Нельзя оставить в беде и тихий Бугуруслан, где он учился, и Дубровку, где батрачил, и Бахмач, куда ездил в тридцать девятом к сестрам, и Минск, и Брест, в которых живут друзья и родственники. И, конечно же, нельзя оставить в беде бойцов Новоселковской заставы, их начальника на белом коне, часового на вышке в дубовой роще...

А время на стенных ходиках — еще только пять часов дня. До наступления сумерек — долго, ой, долго!..

«Не поймают!» — решил он.

— Вань, пойдем купаться.

Сынишке девять лет. Они возьмут с собой косу и веревку для травы, и никто со стороны не догадается, зачем они идут к реке. Только бы не наткнуться на этого глазастого обер-лейтенанта Фука!

Ваня помогал матери перетаскивать в погреб пожитки, но если отец зовет его к реке, надо идти. Да и куда приятней купаться, чем таскать вещи, носить из колодца воду. Пускай вон Маруся, сестренка, помогает, а он пойдет вместе с отцом.

Васильевна испуганно и удивленно посмотрела на мужа: в такое-то время — да купаться?.. Но он ничего не стал объяснять, взял в сарае косу, снял с гвоздя моток веревки и пошел со двора.

И все-таки, закрывая за собой и Ваней калитку, оглянулся на дом. Черепичная крыша. Крыльцо. Три окна. В окнах герани. Во дворе — сарай,

колодец, высокий вяз, грушевое дерево. Все сделано, все посажено на пустом месте его руками и руками Васильевны.

Всю жизнь Васильевна знала только одно — работу, работу и работу. Всю жизнь хлопотала, заботилась, вырастила двоих детей. И была она вся какая-то очень тихая, светлая и добрая-добрая. Голос у нее певучий, ласковый, и говорит она, растягивая слова. Суждено ли еще им увидеться?

Павел Калистратович закрыл калитку и прошел через сад. Яблони, вишни, смородина, крыжовник... Весна в этом году была холодная, дождливая, и почти все подмерзло. Проходя мимо бесплодных деревьев, он почувствовал, как защемило сердце.

Потом они прошли огородами и вышли в луга, поросшие мелким кустарником. Здесь к ним присоединился невесть откуда взявшийся Мишка Власюк — одноклассник и приятель Вани. Ребятишки пошли позади Павла Калистратовича, тихо переговариваясь. «Это даже хорошо, что парнишки за мной увязались. И впрямь купаться или косить траву», — подумал Дудко и выше поднял на плече косу.

Ему хотелось идти быстрее, бежать, но он сдерживал себя и шагал не торопясь. И все ему казалось, будто сзади на него смотрят «судеты» с «вах», целятся в него из винтовок и вот-вот прозвучит выстрел.

Но все было тихо и покойно кругом. До Буга оставалось шагов пятьсот. Скоро луговина, где можно немного покосить для вида.

Павел Калистратович шел, не прибавляя шага. Сзади шлепали босыми пятками Ваня и Мишка. Вторую зиму они нигде не учились, потому что здание школы в Бубеле-Луковиском осенью тридцать девятого года заняла германская «ваха». А он в свои годы начинал учиться именно в этой школе. В ней был один-единственный учитель, по фамилии Козлик — добрый человек, садовод и любитель литературы. Он учил детей на русском языке и однажды за успехи на уроках «родной речи» наградил Павла книжкой «Конек-горбунок». После смерти учителя остались фруктовые сады по всему Прибужью и добрая память.

Неизвестно почему, но Павел Калистратович вспомнил сейчас именно об этом — о русском учителе Козлике и русской сказке «Конек-горбунок».

Вот и луговина. Небольшая поляна между кустами. За ними — Буг.

На поляне кто-то косил. Высокий, широкоплечий, седобородый. О, да это его родной дядя Иван Копытюк. Ну, этот — свой человек. Этому можно все рассказать.

Дядя Иван выслушал Павла серьезно, одной рукой опираясь на косу, а другой разглаживая окладистую седую бороду.

Да, непременно надо предупредить русских, и он, дядя Иван, поможет Павлу в этом!

Переговариваясь, осторожно оглядываясь по сторонам, они вдруг заметили, как по лугу вдоль Буга шли два немецких солдата. Это были «судеты» с «вахы». Шли друг за другом неторопливо, поглядывая вокруг. Но косарей они, видимо, еще не заметили.

Шикнув на ребяташек, Дудко и дядя Иван схоронились в кустах — от греха подальше. И долго выглядывали оттуда, пока «судеты» совсем не скрылись вдали.

— Теперь можно! — сказал дядя Иван.

Солнце уже клонилось к западу, длинные тени ложились на луговину.

Послав мальчишек в кусты — следить, не покажется ли новый патруль, — Дудко и дядя Иван спустились к самой реке.

Оба разделись. Дудко снял только рубаху и обувь, аккуратно сложил одежду, отмахиваясь от комаров. Из кустов выглянул Ваня, издали помахал рукой:

— Тятя, все в порядке!

Дядя Иван перекрестился:

— Ну, господи благослови...

Мужчины вошли в воду. По лодыжки, по колени, по грудь. Сначала рядом друг с другом, чтобы потом старик остался у берега, а Дудко поплыл...

И тут они увидели, как из кустов на советском берегу вышли два пограничника и направились вдоль берега вниз по течению. Они не могли не заметить двух людей в воде и пошли тише, настояжнее.

— Давай, Павел, — подтолкнул его дядя Иван.

Вода была теплой, коричневой, на ней колыбался тополиный пух.

Дудко плыл осторожно, бесшумно, не шлепая по воде ни руками, ни ногами.

Советский берег отсюда, с поверхности реки, казался низким, беззащитным. Осока, трава, кусты

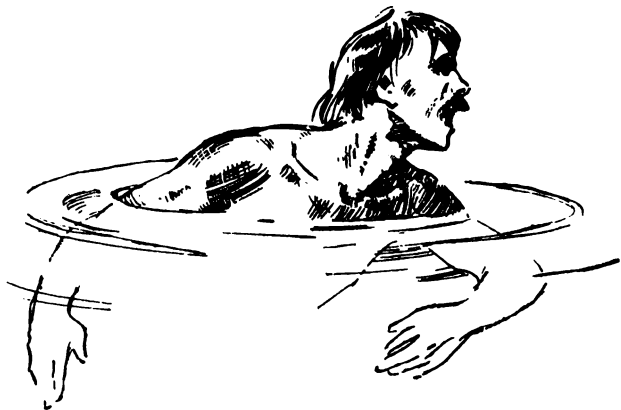
краснотала... И больше ничего. И никого, если не считать этих двух пограничников.

Сейчас он им скажет...

До них каких-нибудь тридцать-сорок метров. Пора!

— Товарищи! — крикнул он не очень громко, чтобы не слышали немцы, но так, чтоб слышали русские. — Эй, товарищи! Передайте своему начальству, что Гитлер готовится ударить войной на Советский Союз. Двадцать второго июня в четыре часа утра. Будьте готовы!

Пограничники чуть повернули головы в его сторону и так же не спеша продолжали свой путь, но он понял, что они слышали и передадут кому следует его слова. И поплыл обратно. И только сейчас, когда он уже выполнил, что задумал, Павлу стало страшно. Руки словно окаменели,



в теплой воде ему стало холодно. Он с трудом добрался до берега. Что, если его слышали фашисты? И удивился: почему он не думал об этом раньше?

— Ничего, Павло, все хорошо, не бойся, — успокоил его дядя Иван.

Они оделись и все вместе пошли домой. Шли молча. Мальчишки, так и не выкупавшись, шагали притихшие и серьезные. Ближе к селу по дороге им попадались односельчане, но Дудко ни словом не обмолвился ни с кем о своем «купанье».

В деревню пришли в сумерки. Дядя Иван свернул к себе, а Дудко к себе. Дома все было будто спокойно. Жене он так и не сказал ничего, а она не расспрашивала. Поужинали, не зажигая света, вышли на крыльцо, присели под темнеющим небом. Что же их ожидало послезавтра? Останутся ли живы?



3. К ЧУЖОМУ БЕРЕГУ

Шифрованное донесение с Новоселковской заставы принял дежурный по Волчинской комендатуре Давид Милославский. Он тут же доложил

шифровку коменданту участка и начальнику штаба комендатуры. Комендант позвонил в отряд. Все это заняло буквально несколько минут — как и положено на границе в такой ответственной обстановке. Не успел Павел Калистратович вернуться домой, как об его сообщении уже знали в Бресте и Белостоке, в управлении войск округа.

Вскоре Милославскому позвонил из Бреста капитан Солдатов. Он предупредил, что завтра придет в комендатуру и во всем разберется на месте. И хотя сказано об этом было по-телефонному неопределенно, Милославский понял: назревают серьезные события.

Наступила ночь на двадцать первое июня. Милославский продолжал дежурить, не смыкая глаз. Было время подумать о своей жизни, о событиях последних дней. Вспомнилось, как в Донбассе учился в индустриальном институте, мечтал стать горным инженером, но вот в тридцать восьмом году его вызвали в райком комсомола и сказали: будешь работать в органах советской разведки, так надо. Ну, раз надо, значит надо. И стал чекистом — сначала в органах госбезопасности, затем в погранвойсках, в штабе Волчинской комендатуры.

Сюда приходили со всех застав участка данные о сосредоточении гитлеровских войск вблизи советской границы. Несколько дней назад комендант участка собрал всех командиров для оценки обстановки. Было очевидно, что противник к чему-то готовится. Было решено усилить наблюдение за противоположным берегом Буга. О подтягивании фашистских войск к границе доложили в штаб

отряда, а Милославского послали в Высоко-Литовск, чтобы проинформировать об этом командование расположенной там стрелковой дивизии.

На следующий день после совещания в комендатуру приехал из Бреста майор Ведякин. Вместе с ним Милославский выехал в Новоселки и Величковичи. В течение двух суток они вели наблюдение за чужим берегом.

Гитлеровцы сосредоточивались в трех-четыре километрах от границы. Было видно, как из тыла прибывают все новые и новые колонны войск, как они исчезают, рассредоточиваются в лесах и населенных пунктах. Но это происходило ночью, а днем ничего подозрительного не отмечалось. Как и раньше, на полях работали крестьяне. Однако наблюдатели заметили, что местных жителей, направлявшихся к Бугу, задерживали немецкие патрули и отправляли обратно.

Девятнадцатого июня майор Ведякин уехал в отряд, а работники комендатуры стали ждать, что данные наблюдения будут доложены высшему командованию.

Капитан Солдатов, как и было условлено, прибыл на следующий день, в два часа пополудни. Он приехал на отрядной полуторке (за неимением легковой машины) и не один. Вместе с ним был человек в штатском — высокий, сутулый, с морщинистым усталым лицом и щеточкой рыжих усов. Приехавших встретили, провели в кабинет; вскоре туда пришел начальник штаба комендатуры капитан Кондратьев, и между ними состоялся разговор, сугубо секретный, при закрытых дверях.

С точки зрения командования отряда и округа, сообщение неизвестного человека о том, что война начнется в четыре часа утра 22 июня могло быть правдой, а могло быть и провокацией фашистской разведки. То и другое было вполне возможным. Но у командования имелись и другие данные, из других источников о том, что в самые ближайшие дни Германия нападет на Советский Союз. Еще 18 июня на стыке Августовского и Пружанского погранотрядов перешел границу житель той стороны и тоже предупредил о том, что готовится нападение. Об этом немедленно доложили в Белосток, а оттуда — в Москву.

Казалось бы, все как и должно быть. Но вот Москва присылает распоряжение: перебежчика немедленно доставить в столицу, в Наркомат внутренних дел, сообщение его тщательным образом проверить, а на офицера, допрашивавшего перебежчика, представить подробнейшую служебную характеристику: что он за работник? Можно ли ему доверять? Не предатель ли он?

«Это может быть провокацией. Продолжайте вести усиленное наблюдение и больше никаких мер пока не предпринимайте».

И действительно, нужно было опасаться настоящих провокаций со стороны наглой и коварной фашистской разведки. Уж кто-кто, а пограничники не раз испытывали на собственной шкуре ложные удары и обманные действия противника, маскирующего свои подлинные замыслы.

В сентябре тридцать девятого года гитлеровская армия, разгромив войска панской Польши, захватила в плен много поляков и белорусов,

семьи которых проживали в Западной Белоруссии и оказались в Советском Союзе. Между пленными и их родными протянулась не только колючая проволока концентрационных лагерей, куда гитлеровцы загнали пленных, но и государственная граница. И вот администрация лагерей стала внушать своим узникам, что немецкое командование не освобождает их из плена только потому, что советские власти якобы не желают пропускать их через границу. И, дескать, если вы не боитесь проникнуть через нее на свой страх и риск, то, пожалуйста, мы освободим вас и даже подвезем на машинах к самому Бугу. А там уж сами действуйте...

Пленные с радостью соглашались. Любой ценой, с любым риском, но прорваться через границу к себе на родину, к своим семьям! И они прорывались, заматавая следы, и заставы поднимались по тревоге, устремлялись в погоню за неизвестными нарушителями границы, а в это время где-нибудь в другом месте гитлеровцы забрасывали своих шпионов, и те под шумок проходили.

Нет, с гитлеровской разведкой нужно ухо держать востро. Тем более что дана установка: не поддаваться на провокации! Соблюдать величайшую осторожность!

Но и Родину нужно оградить от роковых неожиданностей. На то они и пограничники.

Тут задумаешься...

Словом, и человеку тому из-за Буга нельзя слепо верить, но и сигнал его о войне без внимания оставлять преступно.

Вот о чем шел разговор в комендатуре при закрытых дверях после полудня двадцать первого июня.

Часы, оставшиеся до наступления темноты, человек, приехавший вместе с Солдатовым, провел безвыходно в том самом кабинете, где шло совещание.

Тем временем капитан Кондратьев, начальник штаба комендатуры, сел на коня и поехал в Новоселки. Через полчаса он был уже там. Въехал во двор заставы, спешил, молча выслушал рапорт вышедшего из казармы Горбунова.

Тот заметил в нем перемену. Всегда такой внимательный, с постоянной мягкой улыбкой на лице, капитан Кондратьев сейчас был сух и чем-то озабочен.

— Шумер Павел у себя? — спросил капитан и кивнул на хату рядом с заставой, где жила семья Шумеров.

— Должен быть у себя, — ответил Горбунов, догадываясь, зачем капитану понадобился Павел Шумер.

— Хорошо. Занимайтесь своими делами, меня сопровождать не надо. — Кондратьев круто повернулся и пошел со двора заставы.

Вот и двор Шумеров. Ветхий плетень. Хата под соломенной крышей. Сарай. Капитан отлично знал: живут здесь бедняки. Сам старик, Алексей Иванович, был отдан сюда в примачи из деревни Огородники, где жили его родители, обзавелся семьей, кое-как построил эту хату. Земли и скота не хватало, и он занимался отхожим промыслом — плот-

ничал. В плотники пошел и его сын Павел. Оба были люди смелые, дружили с пограничниками и помогали им при случае, особенно молодой — Павел Алексеевич. Он-то и нужен был сейчас капитану Кондратьеву.

...Они поговорили накоротке, в саду Шумеров, в густом малиннике, чтобы никто не видел и не слышал их.

— Резиновая лодка в исправности, Павел Алексеевич? — спросил Кондратьев.

— В исправности, — сказал Шумер.

Был он невысок ростом, сухощав и остронос, лег ему было тридцать пять — тридцать шесть, но выглядел он старше, носил галифе, купленные по случаю, и старые хромовые сапоги.

— Сегодня к десяти часам вечера будьте с лодкой на берегу Буга.

— Хорошо, — кивнул Шумер.

Капитан, собираясь уходить, улыбнулся:

— Ну, что у вас тут слышно дома, Павел Алексеевич?

— Все в порядке, товарищ капитан! — улыбнулся, в свою очередь, Шумер.

— Вот и хорошо! Значит, договорились? — прощаясь, сказал Кондратьев.

— Договорились.

И все. Больше ни слова. Шумер ни о чем не расспрашивал, ни про что не болтал, был исполнителен и точен, как военный.

Возвращаясь в Волчин, Кондратьев думал:

«Что бы было с нашей службой, если бы не помощь таких вот людей?! Они и уши наши, и глаза, и помощники во многих делах».

В половине десятого вечера капитан Кондратьев, капитан Солдатов и приехавший с ними человек в штатском сели в отрядный грузовик и выехали в Новоселки. Ехали молча.

Человек в штатском был родом из этих мест, жил около Бреста и за Бугом имел много родственников. Кроме белорусского и русского языка, он знал польский, немецкий и легко мог сойти за жителя той стороны. И когда сегодня утром капитан Солдатов приехал к нему и попросил переправиться на тот берег, посмотреть, что делают немцы, и срочно вернуться обратно, он, немного подумав, согласился. Согласился без громких слов — просто сказал: «Хорошо».

И все же сейчас, сидя рядом с капитаном Солдатовым в кузове грузовика и поглядывая на темнеющее небо, он не мог не испытывать тревоги и не задумываться над тем, как пройдет переправа.

О том же думал и капитан Солдатов. Не услышат ли немцы плеск весел? Не перехватят ли разведчика, как только он ступит на берег? А если и не перехватят, то удастся ли ему что-нибудь увидеть и услышать? И не «что-нибудь», а то, что указывало бы на начало войны завтра в четыре часа утра.

Капитан Солдатов не первый год на границе. Десять лет на самом переднем крае. А воевал

еще в гражданскую, пятнадцатилетним парнишкой. И беляков бил, и на гражданке работал, и шпионов ловил на границе — всю жизнь в напряжении, а иначе и жить было бы неинтересно. Все было бы хорошо — и работа нравится, и на днях к «майору» представили, и жена его любит, и две дочки с сыном растут, — если б не подкачало здоровье: недавно открылся туберкулез легких. Сказалось все-таки постоянное напряжение...

Жена уговорила взять путевку в туберкулезный санаторий и очередной отпуск. Очень она беспокоится за него, Мария Алексеевна, Машенька... Двадцать третьего июня, в понедельник, должен уехать. Железнодорожный билет уже в кармане, и чемодан уже собран в дорогу. И вдруг — бац! — вчера приказали возглавить операцию, выехать в Волчин и Новоселки. Сказал Машеньке, что сегодня к вечеру вернется, и уехал. А когда теперь вернется — разве ж кто знает?

Ну, да черт с ним, с туберкулезным санаторием! Лишь бы сейчас переправу удалось провести. И хорошо, если бы не было никакой войны.

...Не заворачивая на заставу, они миновали Новоселки и поехали дальше к Бугу. Темнота уже окутала песчаные холмы, кусты и молодые сосны.

Не доезжая километра до реки, на тихой поляне Кондратьев остановил машину. Все, кроме шофера, сошли. Водителю было приказано, не зажигая фар, дожидаться, а Солдатов, Кондратьев и человек в штатском пошли к Бугу. Шли узкой тропинкой, гуськом.

Было уже совсем темно, когда они остановились на берегу реки. Кондратьев свистнул два раза иволгой. В ответ из черных кустов свистнули трижды.

— Здесь Шумер, — шепнул Кондратьев Солдатову.

Они осторожно пробрались в кусты. Шумер дожидался их, сидя на корточках рядом с надутой резиновой лодкой.

— Все в порядке? — спросил Солдатов.

— Да, — ответил Шумер.

Все четверо вглядывались в противоположный берег. Он чернел низкой стеной кустов. Там было на редкость тихо. И так же тихо, неторопливо текли серебристые воды Буга. Пахло ивняком и цветущей мятой.

Стояли в ожидании около часа. На том берегу было по-прежнему тихо, безлюдно.

— Можно переправляться, — разрешил Солдатов.

В комендатуре он подробнейшим образом проинструктировал разведчика и сейчас сказал только: «Желаю успеха» — и пожал руку. — А вы сразу же возвращайтесь, — обратился он к Шумеру. — Мы вас будем ждать здесь.

И тоже пожал руку. Капитан Кондратьев пожал руки обоим и напутствовал шутиливо:

— Ну, ни пуха ни пера...

Потом они в полной тишине спустили лодку на воду, Солдатов и Кондратьев поднялись в кусты и стали ждать, а Шумер повез разведчика к чужому берегу.

До самого берега оба не произнесли ни слова.



Шумер греб без единого всплеска. Весла, как в пустоту, окунались в медленную, маслянисто-черную воду. На быстрине лодку стало сносить к высоким кустам, но так и было рассчитано — высадиться в самом густом, высоком кустарнике.

Он приближался — чужой, настороженный, притаившийся берег.

Шумер знал в кустах рыбацкий лаз, выходящий к реке, и греб прямо к нему, чтобы разведчику не продираться сквозь заросли и не наделать шума.

Лодка с легким шорохом ткнулась в песок; разведчик, сидевший на носу, поднялся и шагнул на берег. Постоял, прислушался и, махнув Шумеру рукой, скрылся в кустах. А Шумер еще немного подождал — все ли в порядке? — и медленно поплыл обратно. Слава богу, кажется все пока обошлось хорошо...

Разведчик вышел из кустов — перед ним лежала луговина. Запахло скошенной травой. Зачернели копны. Он сделал несколько шагов и вдруг упал на землю: под ближайшей копной тихо разговаривали. Прислушался. Говорили по-немецки. Слов не разберешь. Нужно было подползти поближе. И он пополз по колючей жесткой траве. Все ближе копна, громче разговор. Вот уже видно, что это не копна, а большая понтонная лодка, замаскированная охапками сена, и около нее на земле сидят люди, а на людях каски.

Он притаился и послушал.

— Почему ты не спишь, Вольф? — спросил кто-то.

— А ты? — переспросил Вольф.

— Не спится, черт побери...

— Чего же спрашиваешь? Может, и жить-то осталось нам всего четыре часа...

Разведчик, пятась, пополз обратно к кустам. Было ясно, что вся луговина уставлена не копнами, а понтонами, прикрытыми сеном. А вот то черное пятно, что ближе к кустам, — орудие. Если присмотреться — ствол поблескивает в неясном свете звезд. И фашистским солдатам оставалось четыре часа до атаки. Быстрее назад, к своим! Предупредить, успеть предупредить!..

Павел Шумер уже был на середине реки, когда позади послышался всплеск воды. Кто-то догонял лодку, и нужно было уходить, если это погоня, или дожидаться, если это был свой.

Шумер притормозил, вглядываясь в темноту. Человек подплыл, ухватился за резиновый борт, чуть не перевернул лодку. Видно, очень торопился. Да это тот самый... Тяжело дыша, он вскарабкался в лодку, приказал:

— Быстрее к своим!..

На берегу их поджидали Кондратьев и Солдатов.

Отпустив Шумера с его лодкой домой, все трое через несколько минут были уже на заставе.

Там и увидел Горбунов разведчика, пока тот переодевался в сухое красноармейское обмундирование.

4. ДА, БУДЕМ ДРАТЬСЯ!

Теперь он ждал своего замполита Леонтия Горбачева, чтобы вместе обсудить, как встретить фашистов. А ведь предстояла не стычка, а бой не на живот, а на смерть. И хоть Горбунов был не начинающим военным, задача, вставшая перед ним, была очень трудной даже и для более опытного командира.

В свои двадцать пять лет Василий не так-то уж много увидел в жизни, чтобы самостоятельно судить обо всем том, что случилось, но он понимал, что сейчас от его стойкости и командирского

уменья, как и от стойкости других офицеров и солдат, зависит судьба Родины.

С малых лет Василий Горбунов только и знал, что нужду да работу. Тринадцати лет уже пас скотину, так и не доучившись до пятого класса. Семья была бедной-пребедной, а едоков много. До ученья ли? Так и ходил пастухом, стерег чужую скотину. Потом поступил на курсы трактористов, работал трактористом в МТС, бригадиром полеводческой бригады, заведующим свиноводческой фермы. А для того чтобы стать заведующим фермы, окончил курсы в городе Мологе. Там и вступил в комсомол.

Он рос и мужал вместе с родным, некогда захудалым, лапотным краем, и к тому времени, когда здесь стало разливаться первое в нашей стране искусственное Рыбинское море, Василий Горбунов уже стал ни много ни мало комсомольским вожаком большого колхоза.

Как и все его сверстники, он с трепетным уважением относился к родной Красной Армии, к ее командирам, которых встречал на улицах Мологи и Ярославля. В воображении возникали образы Чапаева и Буденного, картины боев за Каховку и Перекоп. Обо всем этом он любил читать в книжках, смотреть в кинокартинах, слушать рассказы бывалых людей. Ну, и о границе, конечно. О басмачах и шпионах. О том, как их ловят.

В деревне Банево жил интересный человек — Василий Яковлевич Комаров, демобилизованный с дальневосточной границы. Он рассказывал ребятишкам о своей службе. В тридцать четвертом году ушел служить на границу старший брат

Василия Александр. Ушел неграмотным, а на заставе выучился читать и писать, присылал письма оттуда. Сообщал, что коноводом у начальника заставы, что на границе служить беспокойно, но интересно.

И вот уже сам он четвертый год на границе. Провожали его всей многочисленной родней, всей деревней, с гармошкой, с лихими песнями и наказаниями, чтобы служил исправно, не срамил род Горбуновых. И он старался. Военная служба оказалась ему по душе, по его настойчивому, упорному характеру. Сразу же после учебного пункта его направили в школу младшего комсостава. Он ее окончил отлично, получил звание помкомвзвода и был послан на шестимесячные курсы младших лейтенантов. После курсов его назначили помощником начальника на одну из застав в самом центре Пинских болот. Чтобы не провалиться в трясины, Василий обувал широкие лапти; от комаров защищался марлевой сеткой; пил ржавую болотную воду. И ничего, привык, закалился. В сентябре тридцать девятого с боем участвовал в освободительном походе по Западной Белоруссии, потом встал вместе со всеми на Западном Буге, был назначен начальником заставы здесь, в Новоселках.

Горбунов был, пожалуй, самым молодым начальником заставы во всем отряде и носил самое маленькое командирское звание. И ничего, не хуже других. Командует людьми, которые постарше его и годами и званием. Политрук Горбачев на два года старше, а лейтенант Цибулько, заместитель по боевой, на три. Неделю назад Цибулько вместе

с семьей уехал в отпуск, а то бы сейчас был рядом.

Четвертый год на границе, вроде бы и срок небольшой, а сколько ночей недосыпал, сколько раз по тревоге выскакивал, а главное — сколько сил потратил на обучение бойцов! Ведь что ни человек, то характер. Своего подхода требует, отдельного обращения. Шестьдесят бойцов на заставе.

И вот теперь, судя по всему, наступило самое главное испытание для всех и для каждого в отдельности. Предстоит первый настоящий бой. Не стрельба по фанерным мишеням, не наступление на условного «противника», а смертельная схватка. Выдержат ли? Хватит ли сил и воли?

Прибежал Горбачев. Стремительный. Подтянутый.

— Что случилось?

Горбунов в двух словах объяснил.

— Я так и знал! — возбужденно сказал политрук. — Помнишь, три дня назад я докладывал про немецких солдат. Вот, пожалуйста!

Да, три дня назад два немецких солдата вышли на тот берег и на песчаной косе начертили огромными буквами: «СССР». По-русски. Чтобы мы видели. И тут же зачертили их крест-накрест. Тоже, чтобы мы видели. Постояли немного и скрылись в кустах.

— Это они нам грозили, — сказал Горбунов.

— Нет. Предупреждали, — возразил Горбачев. — Понимаешь, два рабочих парня, которых

Гитлер заставил воевать, может, симпатизируют нам...

— Прямо уж... симпатизируют, — проворчал Горбунов.

— Точно, точно! — горячо настаивал замполит. — Немцы ведь разные в Германии. Одни за Гитлера, другие за пролетарскую революцию.

Замполит был всегда немного восторженным человеком. Горбунов усмехнулся и охладил его пыл:

— Ну, хватит спорить. Я решил выслать усиленный наряд на правый фланг, к переправе. Как думаешь?

— Да, будем драться! — поддержал Горбачев. — И пошлем туда кого посильнее.

Они перебрали многих, пока не остановились на ефрейторе Иване Сергееве и ефрейторе Владимире Чугрееве. Сергеев недавно окончил трехмесячные курсы вожатых служебных собак и ходил на границу с овчаркой. Комсомолец Чугреев был отличным спортсменом. Словом, этих двух и нужно послать к переправе.

Горбунов позвал дежурного и приказал ему разбудить Сергеева и Чугреева, вручить им ручной пулемет, три диска с патронами, по два боекомплекта на винтовку и по четыре гранаты. Сергееву передать приказание, чтобы взял свою овчарку Зильду.

Горбунов сказал обо всем этом дежурному спокойным, ровным тоном, как приказывал всегда, не подчеркивая ничем исключительность обстановки и серьезность задания, которое должны были получить оба ефрейтора.

И вот они вошли в канцелярию — в полном боевом снаряжении, как и было приказано. Сергеев на голову выше своего напарника, плотный, сбитый, румяный. Про таких говорят: кровь с молоком. Взгляд — открытый, серьезный, прямой. А Чугреев сухощав, смугл, востроглаз. Все это хорошо запомнил младший лейтенант Горбунов, пока Сергеев, как старший, докладывал, что пограничный наряд прибыл за получением боевого приказа на охрану и оборону государственной границы Союза Советских Социалистических Республик.

И пока он докладывал, младший лейтенант и политрук стояли по стойке «смирно», приложив руку к фуражке. Потом Горбунов прокашлялся в кулак и спросил:

— Как отдохнули?

— Хорошо, товарищ младший лейтенант! — ответил старший наряда.

— Как здоровье?

— Здоровы, товарищ младший лейтенант!

— Службу нести можете?

— Так точно, товарищ младший лейтенант!

Это были обычные вопросы и обычные ответы. Несмотря ни на что, служба есть служба, и все должно идти своим чередом.

И все же бойцы должны были знать, что идут не в обычный наряд.

И Горбунов решил:

— Только что получены данные от перебежчика, что в четыре часа утра фашисты на нас нападут. Возможно, начнется война...



Качнулся штык у винтовки, но бойцы молчали: говорил командир.

— Приказываю выступить на охрану и оборону государственной границы Союза Советских Со-

циалистических Республик, на правый фланг. С собой взять ручной пулемет и сторожевую собаку. Ваша задача: при переправе немецких войск через Буг самостоятельно открыть по ним пулеметный и ружейный огонь. В случае обрыва телефонной линии, послать на заставу донесение с собакой. Вопросы есть?

— Так, значит, война, товарищ младший лейтенант? — тихо спросил Чугреев.

— Возможно, — ответил начальник заставы. — Но при всех обстоятельствах нам предстоит бой.

— Ясно...

— Повторите приказ!

Сергеев повторил слово в слово, как присягу.

Все было как всегда. И все было не так.

Не присутствовал дежурный по заставе, как это обычно бывает при отдаче боевого приказа: Горбунов не хотел, чтобы до поры до времени о его решении слышали лишние уши. Когда приказ был повторен, он так и предупредил обоих: в случае, если фашисты не полезут, — о перебежчике никому ни слова. Предупредил и тут же поймал себя на мысли: а зачем же тогда весь сыр-бор затевали? И Сергеев с Чугреевым как-то удивленно переглянулись: дескать, чего же ждать? Но он был осмотрителен и упрям.

— Ну, может, увидимся, а может, и нет, — сказал он и пожал каждому руку.

То же самое сделал и Горбачев, хотя ему и очень хотелось обнять на прощанье обоих. Они пожали руки Сергееву и Чугрееву, и те, повернувшись кругом, стуча сапогами, вышли.

Скрипнула и закрылась дверь. Удалились по коридору шаги. Затихли где-то на крыльце. Все. Ушли.

Через сорок минут Сергеев доложит по телефону, что наряд прибыл на место и приступил к несению службы. Он так и скажет: «Приступил к несению...»

«Что на той стороне?» — спросит в трубку начальник заставы.

«Все тихо», — ответит Сергеев.

«Ведите тщательное наблюдение. Прислушайтесь к каждому шороху, к каждому всплеску воды. Обо всем подозрительном докладывайте немедленно», — прикажет Горбунов.

«Есть!»

Это будет через сорок минут, а сейчас Горбунов и Горбачев некоторое время сидят молча и прислушиваются, как затихают шаги.

— Как думаешь, комиссар, выдержат? — спросил Горбунов, в упор взглянув на политрука из-под густых бровей.

— Выдержат! — заверил политрук.

— А что делать? Другого выхода у нас нет... — словно оправдываясь, сказал Горбунов.

Помолчали. Потрескивал фитиль в лампе. Налетевшая в открытое окно мошकारа роилась вокруг стекла. С улицы дышало теплом.

— Кто же переплыл через Буг? — спросил Горбачев. — Как звать-то его?

— Не знаю, — ответил Горбунов. — А вот личность вроде знакомая. Где-то я его уже видел.

— Где ж ты его мог видеть?

— Кто его знает!.. Видел — и все.

Они опять помолчали, наблюдая, как мошकारоилась вокруг лампы.

«Может, это тот самый, вчерашний? Взял да и переплыл еще раз, — подумал Горбачев и тут же возразил сам себе: — Вряд ли. Вчерашний свое дело сделал. Зачем ему снова рисковать жизнью?»

Было тридцать пять минут первого. «Может, сбегать на квартиру, предупредить жену? — подумал Горбунов и тут же решил: — Нет. Зачем тревожить? Пусть спит и ни о чем пока не догадывается».

Но вот начальнику соседней заставы старшему лейтенанту Кичигину надо позвонить. Как у них там дела?

Он крутнул ручку полевого телефона и вызвал соседа справа.

— Старшой?

— Да. Кто это?

— Младший.

— Так, слушаю тебя.

— Сегодня у мельницы жду «гостей». Выслал туда наряд с «машиной».

В трубке недоуменно помолчали, потом спросили:

— Что за «машина»? Что за «гости»?

— Ну, с той стороны, понимаешь? А «машина» — ручной пулемет, понимаешь? Ну, неужели ничего не знаешь?

— Ничего.

Горбунов даже растерялся. На соседней заставе ничего не знают! Как же так?

— А что случилось-то? — напомнил о себе сосед. — Нарушители, что ли?

— Да не нарушители! — досадуя на него, крикнул Горбунов. — Ну, как бы тебе объяснить?..

И махнув рукой на соблюдение секретности, он стал говорить открытым текстом, объясняя, в чем дело.

— Не может быть! — изумился сосед. — Почему комендант и начальник отряда молчат, не дают никаких указаний?

— Не знаю. Наверно, им так приказано.

— Но почему?

— А ты неграмотный? Чтобы не поднимать паники, не провоцировать... этих... на том берегу...

Наступила пауза.

— Что будешь делать?

— Буду встречать «гостей» по всем правилам!

Трубка неожиданно замолчала, потом из нее зачастил другой голос:

— Товарищ младший лейтенант, что за провокационные слухи вы распускаете? Я завтра буду у вас, лично проверю ваши знания по текущей политике. Вы забываете, что между Советским Союзом и тем государством существует договор, что было заявление ТАСС от 14 июня. Это вам даром не пройдет!

Младший лейтенант узнал по голосу политрука из отряда — того самого политрука, который приезжал на заставу, разъяснял сообщение ТАСС. Оказывается, он теперь у соседей. Горбунов криво усмехнулся и положил трубку на стол. Из нее еще некоторое время частила скороговорка, потом «алле», «алле» — и все смолкло.



— Ну, теперь мне влетит! — мрачновато усмехаясь, сказал Горбунов, когда трубка смолкла.

— А-а! — махнул рукой Горбачев. — Лишь бы войны не было. А с него взятки гладки.

Они понимали, что человек этот выполняет указания. Выполняет добросовестно, точно. Заключен договор с Германией — значит, войны не будет. И значит, человек с того берега либо паникер, либо провокатор. И если ты поверил ему, а не официальному документу, ты слаб в политике и тобой надо заняться. Вот так.

С политруком было ясно. Гораздо менее понятным было то, что старший лейтенант Кичигин ни-

чего не знал. Ничего! Как будто и не переплывал человек с того берега.

Может, и он, Горбунов, напрасно затеял весь этот аврал? Может, действительно запаниковал?

Что думает по этому поводу замполит?

Горбачев посоветовал позвонить соседу слева — начальнику третьей заставы старшему лейтенанту Михайлову.

Горбунов крутнул ручку снова. Ручка провернулась подозрительно легко, не вызвав индукции. Трубка молчала. Ни шорохов, ни треска. Телефон был мертв.

— Вот черт! — выругался Горбунов. — Не работает.

— Обрезан?

— Похоже. Значит, до штаба комендатуры тоже не дозвонишься.

— Да... дело принимает серьезный оборот, — тихо проговорил Горбачев.

— Давай, зови сержантов, — распорядился Горбунов.

Он был снова уверен, что действует правильно, и не хотел терять ни минуты. Если провода обрезаны, значит, дело принимает серьезный оборот. И нельзя медлить. Надо прежде всего проинструктировать младших командиров. Он вызвал дежурного и сообщил ему свое решение.



Вскоре в канцелярию один за другим стали входить сержанты. На приветствие Горбунов каждому отвечал кивком головы. Садиться не предложил. Все стояли, вопросительно и тревожно глядя на начальника. Очевидно, они уже догадывались о чрезвычайной важности надвигающихся событий.

Горбунов обвел всех внимательным взглядом. Вот стоит старшина заставы сержант Валентин Мишкин — высокий, сухопарый, длиннолицый, весь какой-то потускневший и притихший. Впрочем, он и всегда-то не отличался большой расторопностью, хотя и был аккуратен. Как всегда, серьезен и собран младший сержант Алексей Ипполитов — инструктор службы собак, неутомимый следопыт заставы. Его дружок сержант Василий Шалагинов, командир первого отделения, весельчак и компанейский парень, и сейчас улыбается. Молчалив и застенчив командир другого отделения, младший сержант Иван Абдрахманов. Родом он из Казахстана, и зовут его наверняка не Иваном, но уж так записали для легкости произношения. Лицо у него широкое, скуластое, смуглое, брови нахмурены, держится позади всех, скромно. Явились и еще два командира отделения — сержант Константин Занозин и младший сержант Кузьма Никитин.

Не было среди них замполитрука заставы Михаила Зинина: вместе с ефрейтором Бричевым с вечера находился в наряде. Остальные все в сборе. Можно начинать.

Горбунов прокашлялся и ровным, глуховатым голосом рассказал командирам о человеке, приплывшем с того берега Буга.

Шалагинов чуть присвистнул. Ипполитов нетерпеливо переступил с ноги на ногу. Абдрахманов еще больше нахмурился. А на лице старшины Мишкина не дрогнул ни один мускул. Хладнокровный же, черт!

— Телефонная связь с комендатурой и с соседом слева нарушена, — продолжал Горбунов. — Поэтому помощи нам сейчас ждать не приходится. Подняты ли по тревоге части Красной Армии, мне неизвестно. Но мы не будем ждать! До четырех часов утра осталось, — Горбунов посмотрел на свои часы, приложил их к уху, послушал, — остался... один час пятьдесят минут. Прошу сверить с моими.

Сержанты сверили, подкрутили стрелки.

Горбунов продолжал с некоторой торжественностью:

— Товарищи младшие командиры! Нам предстоит бой с коварным и сильным врагом. Но мы ведь пограничники! Призываю вас в решающий момент действовать инициативно и смело...

Через пять минут сержанты вышли. И тотчас в казарме раздалась команда дежурного:

— Застава, в ружье!

Заскрипели, ходуном заходили двухъярусные железные койки. Задрожали половицы. Затопали сапоги. Тревога!

Застава размещалась в одноэтажном деревянном доме. Было тесновато, но в тесноте не в обиде.

Руки бойцов безошибочно знали, где одежда, где сапоги, где оружие. Неважно, что свет горел только у дежурного и в канцелярии, а в казарме было темно. Не раз и не два их поднимали в ру-

жье и всей заставой и группами. Так было весь месяц, весь год. Привыкли, натренировались.

На заставе — тревога!

5. ПЕРВЫЕ ТРОФЕИ

Зинин и Бричев вышли на задание в восемь часов вечера — еще до того, как человек с того берега был доставлен на заставу. Им приказано было осмотреть контрольно-следовую полосу от центра участка до правого стыка, а с наступлением темноты проверить службу нарядов и осмотреть ветряную мельницу на правом фланге.

Они прошли по сельской улице, миновали околицу, поля, преодолели контрольно-следовую полосу и пошли по дозорной тропе вправо — Зинин впереди, Бричев сзади, шагах в двадцати. До самого Буга лежала полоса шириной метров в восемьсот — вся в нехоженных травах, мелком кустарнике и песчаных холмах, — так что пограничников не было видно с чужого берега реки.

Здесь были владения заставы, никто не мог ступить на эту землю свободно и безнаказанно. И потому здесь всегда было пустынно, тихо и немного торжественно.

Вечер стоял безветренный, душный. Все вокруг как-то притихло: и густые полегшие травы, и воздух, и даже птицы; не было слышно даже лая собак в Новоселках и в польской деревне Старый Бубель на противоположном берегу. Только комары густо звенели и больно кусались.

Зинин и Бричев прошли километра два, так ничего подозрительного и не заметив. Только в че-

тырех местах следовую полосу перебежали зайцы, да в одном лисица.

Потом повстречали идущий с правого фланга наряд — ефрейтора Андрея Колодина и ефрейтора Александра Смалья. Когда поравнялись, Колодин доложил, что за время несения службы нарушений государственной границы не обнаружено.

— А что видно на том берегу? — спросил Зинин.

— Да ничего! — почти весело ответил Колодин. — Притаились немцы, ни звука!

Он был общителен, разговорчив и улыбчив — этот заводила в песнях и плясках.

Подошел Смаль.

— Ну, как настроение? — спросил у него Зинин.

— Ничего, спасибо.

Постояли, покурили, посматривая по сторонам.

Багровое солнце тяжело опускалось за Бугом. Закат полыхал по всему горизонту кровавым пожаром. Огненные стрелы лучей тревожно летели по небосводу к востоку, поджигая высокие перышки облаков. Густую, гнетущую тишину нарушал лишь комариный гуд.

— Не нравится мне все это, — сказал Колодин.

— И мне тоже, — подхватил Смаль.

— Да-а, — протянул молчавший до сих пор Бричев.

— Да будет вам, ребята! — попробовал успокоить их Зинин. — Закат как закат.

На том они и разошлись — каждый своей дорогой.

Замполитрук Зинин, конечно, понимал состояние бойцов. К тому же он знал немного больше, чем они. Он знал, например, каким беспокойством были полны выступления членов партии на последнем партийном собрании. Знал, что начальник отряда приказал все оборонительные сооружения закончить строительством раньше намеченного срока. А сегодня днем Горбунов и Горбачев говорили между собой о каком-то человеке, который кричал вчера с середины Буга о возможном нападении фашистов. Зная об этих фактах, Зинин внутренне был готов к любым неожиданностям...

На траву и кусты пала роса, и вскоре сапоги и брюки в коленках стали мокрыми. Потянуло прохладой. Над Бугом закрутился белесый туман.

Уже с трудом просматривалась следовая полоса: все сливалось, сглаживалось на этой черной рыхлой ленте земли, уходящей все вперед и вперед.

У Зинина тревожно, беспокойно было на сердце, но он не показывал, не имел права показывать подчиненным своего беспокойства. Работала только мысль.

Вот ему идет двадцать седьмой год, а сколько уж всего пришлось испытать! В голодном двадцать первом году отбился от матери, попал в детский дом. С грехом пополам окончил семь классов и по возрасту был отпущен домой. Пожил с годик и уехал в Алатырь учиться и работать. Еще два класса кончил. Потом четыре года жил в Ташкенте. И снова работал, а вечерами учился в заочном финансовом институте. Окончил институт за два года экстерном. Женился. Год работал бухгалтер-

ром. Но понял, что ошибся: не лежит у него душа к дебетам и кредитам. И уговорились они с женой, что он поступит в правовой институт, на юридический факультет. Стал снова учиться. На последнем курсе вступил в партию. Около месяца проработал в Оренбургском областном суде, но тут, в августе тридцать девятого, его призвали в армию, а в сентябре он уже участвовал в освободительном походе в Западной Белоруссии.

Закончил поход в Волчине, где остановилась первая комендатура 17-го Краснознаменного погранотряда. А в январе сорокового в составе лыжного батальона пограничников на Карельском перешейке принял боевое крещение: в жесточайшие морозы ходил в разведку, сбивал финских «кукушек», вылавливал диверсантов. Прошел, что называется, сквозь огонь, воду и медные трубы и, вернувшись в Волчин, был назначен замполитрука на заставу Горбунова.

Пока воевал, не стало жены. Работала она химиком и погибла от какого-то опасного опыта.

Двадцать семь лет, а все в жизни давалось нелегко, все приходилось брать с боем. Но, видать, самый главный бой еще впереди.

...Стало уже совсем темно. Было, наверное, часов одиннадцать, а то и больше. Самый длинный день в году догорал, только далеко за Бугом все еще зеленела заря и небо там никак не могло потухнуть совсем.

Здесь же все было черно и тревожно, но Зинин и Бричев шли уверенно. Они знали, где у тропы поворот, где растет какой куст, где какой камень или корень может попасться под ноги.

И Зинин не удивился, когда впереди, шагах в пяти от него, в крошечной тьме щелкнули прицельной рамкой по стволу винтовки и, когда он ответил таким же, только двойным щелчком, спросили негромко, но властно:

— Пропуск?

Это был пограничный наряд — именно здесь он и должен быть; Зинин это знал, как знал и то, что в наряде находились бойцы Павел Капинос и Иван Бузин. Бричев застыл позади, а Зинин подполз к чернеющему кусту вербы, под которым лежал Капинос. И, как положено, Капинос шепотом доложил, что за время несения службы нарушения государственной границы не обнаружено.

— Где Бузин? — прошептал Зинин.

— Там. — Капинос кивнул на куст можжевельника.

И вдруг взглянул в другую сторону, насторожился. Зинин посмотрел туда же. Черно, тихо. Подождали. Никого.

— Птица, — определил Капинос.

Еще подождали, помолчали. Никого.

— Ну, мы пошли. Смотрите тут... — сказал Зинин.

— Есть! — ответил Капинос.

И снова под ногами привычная ночная тропа.

Как Павел сказал? «Птица». Можно быть спокойным. Если уж Капинос сказал — это точно. Зинин любил этого немногословного парня с красивым, смуглым лицом, отличного следопыта, отличного снайпера, очень ловкого и смелого парня.

Иван Бузин — тот горазд на слова, парень развитой, на политзанятиях задает вопросы, спорит

с групповодом. На всех собраниях — штатный оратор, в общественной жизни — активный участник.

...Они вышли на правый фланг, встретив еще три пограничных наряда. Здесь, на высоком берегу, чернела ветряная мельница — та самая, которую они должны были осмотреть. На мельнице уже давно не мололи; в ней стоял застарелый, затхлый и чуть горьковатый запах муки и пыли. Первым по деревянной скрипучей лестнице, на которой не хватало многих ступеней, поднялся наверх Зинин, вторым — Бричев. Они осмотрели весь мельничный чердак и присели у окна немного отдохнуть и послушать.

Прямо перед окном торчало огромное деревянное крыло, оно чуть покачивалось и тихо поскрипывало. На темном небе, совсем близко, мерцали яркие мохнатые звезды. А внизу, за горбатым бугром, светлела и рябила широкая лента Буга.

Удивительно тихо было там, за рекой. Как будто вымерло все там или притаилось.

А вчера, и позавчера, и два, и три дня, и неделю назад вот в такое же ночное время можно было услышать, как за рекой, в рощах и перелесках, натужно гудели моторы, лязгали гусеницы, трещали и падали деревья, раздавались короткие автомобильные гудки. И тревожно мелькал приглушенный свет фар, и над черной зубчатой стеной леса отсвечивали какие-то огни.

Днем все замирало. Будто и не происходило ничего ночью. Только патрулировали береговую полосу германские пограничники и по-прежнему копошились на своих полях польские крестьяне.

А сегодня с утра и крестьяне не показывались на поля, и вот сейчас за рекой мертвая тишина.

Внизу заскрипела дверь. Кто-то отворял ее. Постоял на пороге. Прошел внутрь. Потоптался. Остановился у лестницы. И сказал:

— Битте!..

Зинин в институте изучал немецкий язык и сразу понял это слово. По-русски оно означало: «пожалуйста».

Черт возьми! Немцы! Но каким образом?

Зинин обернулся к Бричеву и приложил палец к губам: молчи! Тот кивнул.

Дверь опять скрипнула, и кто-то еще вошел внутрь мельницы.

— Никого нет? — спросил по-немецки голос.

— Никого нет, господин лейтенант, — ответил прежний голос, тот самый, который произнес «битте».

— Тут, кажется, есть лестница?

— Так точно, господин лейтенант!

— Здесь будет недурной наблюдательный пункт для наших артиллеристов, Ганс.

— О да, конечно, господин лейтенант!

Они помолчали. Дверь снова скрипнула — вошел третий.

— Кажется, эти русские ничего не подозревают, — сказал он.

— Они спят, как медведи, — ответил ему офицер.

«Вот сволочи!» — со злобой и возмущением подумал Зинин.

— Все-таки надо быть осторожным, — сказал вошедший.

— А-а! — пренебрежительно возразил лейтенант. — Доты у них охраняются татарами, у которых нет даже винтовок.

«Сволочи, — с обидой, злобой и возмущением думал Зинин. — А «татары» — это ведь бойцы-узбеки. И охраняют они недостроенные доты действительно без винтовок. Все знают, гады».

— Итак, нам остается подняться наверх, занять позицию и ждать начала событий, — сказал тот, кого называли лейтенантом. — Ганс, вы поднимаетесь первым.

— Слушаюсь! — ответил Ганс, и деревянная лестница закрипела под его ногами.

«Если стрелять в них, могут услышать другие, такие же, — подумал Зинин. — Тогда нам не хвататься из мельницы, не предупредить своих». Нагнувшись к Бричеву, он прошептал ему в самое ухо: «Штыками их, гадов. Понял? Огня не открывать». — «Ясно», — кивнул Бричев и весь подобрался, напряжился.

Сейчас ему предстояло убить человека. Впервые в жизни. Вонзив в тело штык. На занятиях он колот чучело, сделанное из прутьев. «Длинным коли! Коротким коли!..» Он с азартом вонзал штык в прутья, рывком выдергивал его и бежал дальше, к следующему чучелу — такому же покорному и неживому. Сейчас же нужно было пронзить человека. Пускай фашиста, пускай врага, но человека!

Товарищу замполитрука это проще сделать: он воевал на финском фронте. А как убьет человека он, ефрейтор Михаил Бричев — двадцати одного года от роду, комсомолец, ни разу не нюхавший пороха? Он родился и жил в Ленинграде, много

и влюбленно рассказывал об этом городе, всегда со всеми был вежлив и вообще считался на заставе «интеллигентом». Нес службу добросовестно, но за полтора года пребывания на заставе ему даже не довелось задержать ни одного нарушителя границы.

И вдруг — сразу трое. Говорят по-немецки. Значит, гитлеровцы. На нашей земле, на нашей мельнице.

Все произошло гораздо проще, чем предполагал Бричев.

...Три тела лежали на полу мельницы. Зинин осветил их фонариком: все трое были одеты в военную форму Красной Армии. Двое в лейтенантскую и один в сержантскую, очевидно Ганс.

— Сволочи! — процедил сквозь зубы Зинин. — Переоделись.

Он вспомнил, что белофинны тоже так делали. А Бричев удивленно, широко открытыми глазами смотрел на трупы.

Зинин пошарил у них в карманах, вынул два командирских удостоверения и одну красноармейскую книжку, забрал три пистолета, и они выбрались из мельницы.

— Давай на заставу. Надо предупредить, — сказал Зинин, хотя им нужно было проверить еще один наряд по дороге в Паниквы.

Шли они быстро. Перейдя через следовую полосу и заделав ее, присели у лесного ручья немного передохнуть и опомниться. И только тут Бричев вдруг почувствовал страшную усталость во всем теле, и на него нахлынули мысли о том, как же он смог убить человека.

Вот смог, оказывается! Он подумал о красных петлицах на гимнастерках врагов и красных звездочках на их пехотных фуражках, и чувство брезгливого отвращения к этим переодетым в нашу форму фашистам переполнило его душу. Как они сме-
ли?! Как смели?!



Бричев снял фуражку, сполз к ручью, зачерпнул пригоршню студеной воды, плеснул на пылающее лицо.

Зинин сидел на камне, задумчиво смотрел на бледнеющие звезды.

— Это война, Миша, — негромко проговорил он, когда Бричев поднялся к нему, охладевший и немного успокоенный.

— Да, пожалуй, что так, — сказал он. — А вы раньше знали, товарищ замполитрука, об этом?

— Я же не слепой! — усмехнулся Зинин. — Только не знал, когда точно ударят фашисты. Теперь ясно: сегодня утром.

— А эти трое — диверсанты? — спросил Бричев. — Специально заброшены, да?

— Специально. Они, Миша, связь обрезали и хотели на мельнице наблюдательный пункт устроить.

— Ты смотри! — изумился Бричев. — Ну, мы им дадим жизни, когда полезут! Верно, товарищ замполитрука?

— Пошли-ка быстрее на заставу, — ответил Зинин.

6. ГНЕВНАЯ НОЧЬ

Застава готовилась к бою. Переодевались, опрастывали вещевые мешки, набивали их патронами и гранатами. В темноте, в молчаливом предчувствии надвигающихся грозных событий. Никогда еще не было такого.

Но граница есть граница, и ее бойцы привыкли ничему не удивляться и быстро, точно выпол-

нять приказы. И они делали все с точностью, без рассуждений. По крайней мере так казалось со стороны. А про себя каждый из них не мог не думать, тревожно и взволнованно: «Неужели война? А если так, то почему не скажут прямо?»

Зинин и Бричев прошли в канцелярию, и Зинин доложил обо всем политруку Горбачеву (Горбунов куда-то вышел) и положил на стол трофейные пистолеты и документы.

Горбачев все осмотрел бегло, при свете керосиновой лампы, и с досадой стукнул кулаком по столу:

— Черт!.. Связь обрезана. Это же сведения огромной государственной важности! Придется немедленно посылать нарочного в комендатуру, — он взглянул на замполитрука и ефрейтора и сказал спокойнее: — Ладно, идите завтракайте.

Зинин и Бричев прошли прямо на кухню, там было светлее. Через открытую дверцу из плиты вырывались багровые отсветы пламени, блуждали по стенам, по могучей фигуре повара Александра Гребенникова.

— Что, хлопцы, проголодались? Сейчас нальем, — первым начал разговор повар, парень общительный и веселый. — Вам погуще или как?

— Ладно, давай наливай, — мрачно сказал Зинин.

Они присели к кухонному столу прямо с винтовками, в снаряжении и хлебали из мисок вяло, без аппетита.

— Что-то не солощие вы сегодня, — посочувствовал им Гребенников.

Но тут по казарме разнеслась команда:

— Застава, стройся!

И все, разобрав винтовки, в полном боевом снаряжении быстро выстроились в две шеренги на свободном пространстве между койками. Дежурный вынес лампу, повесил ее на гвоздь, и теперь отчетливо стали видны напряженные лица бойцов, штыки на винтовках, подсумки с патронами.

Их было шестьдесят. Русские, украинцы, казахи, один удмурт. Шесть коммунистов и тридцать восемь комсомольцев являлись тем ядром, вокруг которого спланивались остальные бойцы.

Старшина Мишкин подровнял строй, скомандовал «смирно» и сразу же «равнение направо»: справа, от канцелярии, уже подходили к строю начальник заставы и замполит. Все было, как всегда. Старшина доложил, что личный состав заставы выстроен. Младший лейтенант поздоровался. Пограничники дружно ответили: «Здравия желаем».

«Этот ритуал подтянет людей, — думал Горбунов, — вселит в них уверенность в нашу силу».

До четырех утра оставался час с небольшим, и Горбунов позволил себе медленно пройти вдоль строя, внимательно осмотреть каждого, его вооружение, его заправку. Политрук Горбачев шел следом.

Выйдя перед строем на середину, Горбунов скомандовал:

— Застава, смирно!

Теперь ему предстояло объявить самое главное. Как сказать? Какими словами? Полтора года он командовал этими людьми. Изо дня в день, из

ночи в ночь посылал их на охрану границы, напутствовал точными словами боевого приказа: следовать до такого-то места, действовать так-то, связь держать с тем-то. Когда ночью возвращался наряд, Горбунова будили, и он принимал рапорт, придирчиво допытывался: что было слышно на том берегу, куда вели следы зайца, почему вскрикнул филин? Он добивался скрупулезного выполнения пограничных инструкций и был строг, если замечал халатность или расхлябанность. Его уважали за справедливость, за строгость, за прямоту, за отеческую заботу. Ему верили, и он знал это.

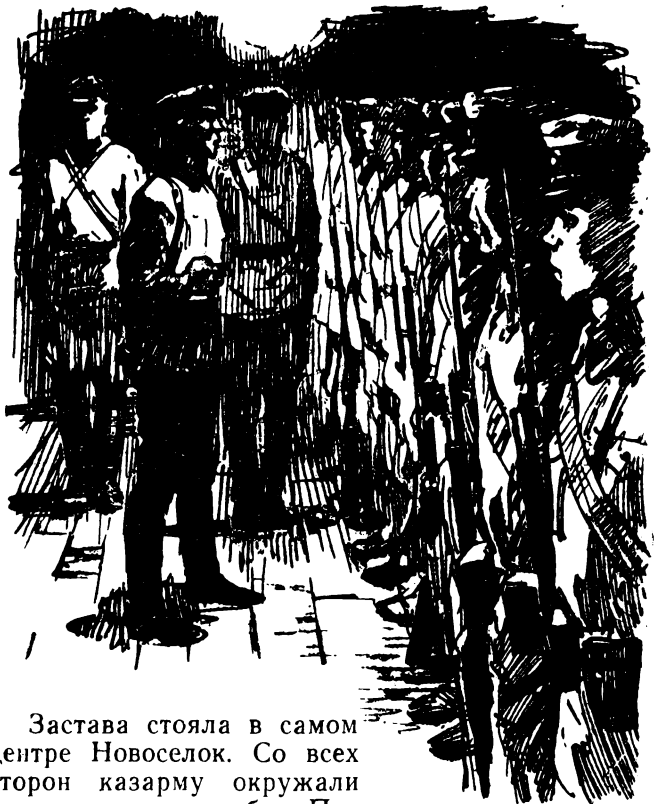
— Товарищи бойцы и младшие командиры! Товарищи пограничники! — начал он. — Мы получили сведения, что в четыре часа утра гитлеровцы нападут на нас. Они сумели перебросить на наш берег диверсантов, и те перерезали связь с отрядом и соседями. Наш наряд уничтожил трех таких диверсантов и захватил трофеи. Положение очень серьезное... Возможно, это и есть начало войны... Но фашисты нас не запугают! Будем стоять каждый на своем посту. Наша задача — оборонять участок государственной границы, вверенный нам командованием. Я решил...

И он спокойно и твердо поставил боевую задачу каждому отделению, каждому пулеметчику и каждому снайперу.

Убедившись, что люди поняли его и готовы драться до последнего, он скомандовал:

— По местам! К бою!

Пограничники бросились к окопам и блокгаузам.



Застава стояла в самом центре Новоселок. Со всех сторон казарму окружали дома, сараи, погреба. Под их прикрытием противник мог вплотную приблизиться к казарме и внезапно атаковать. Необходимо было поэтому вынести линию обороны за пределы деревни, встретить врага на околице, в садах

и огородах. Но, во-первых, там не было окопов и блиндажей, а во-вторых, и это главное, деревня была слишком большой и разбросанной, и шестидесяти человек не хватило бы для многокилометровой круговой обороны.

Оставалось выбросить отдельные группы на вероятные пути наступления противника. Но как узнать точно, откуда он будет наступать? Со стороны Буга? С севера, от сосновой рощи? С юга, от дубовой рощи? А может быть, с тыла, от деревни Паниквы и даже от Волчина?

Все это выяснится потом; сейчас же нужно держать заставу в кулаке, в надежных укрытиях, построенных вокруг казармы, а за околицу выслать только наблюдателей. Затем уже организовать гибкую подвижную оборону.

Горбунов так и приказал. Еще несколько недель назад его люди, недосыпая, отказывая себе в отдыхе, закончили сооружение шести блокгаузов — дотов — в несколько накатов бревен, с амбразурами, с ходами сообщений. Четыре блокгауза по углам двора, один у ворот и один позади заставы, у склада. Из них можно было вести огонь вдоль улиц и по огородам. Они укрывали людей от артиллерии и минометов. В них бойцы были рядом с родной заставой и чувствовали себя увереннее. Все это учитывал Горбунов.

Отделению сержанта Константина Занозина он приказал занять блокгауз, обращенный к Бугу; отделению младшего сержанта Ивана Абдрахманова — блокгауз, выходящий на главную улицу; отделению сержанта Василия Шалагинова — блокгауз, контролирующий перекресток двух улиц;

группе старшины Валентина Мишкина — блокгауз, также обращенный к Бугу. Расчет станкового пулемета младшего сержанта Василия Гребенюка занял огневую точку у ворот, а пулеметный расчет младшего сержанта Кузьмы Никитина — сзади заставы, у склада.

На западную окраину Новоселок были высланы наблюдатели. По линии границы продолжали нести службу несколько нарядов. Они должны были вернуться на заставу с рассветом, а наряд ефрейтора Николая Бедило и рядового Амансеита Масрупова с ручным пулеметом имел задачу — с наступлением рассвета подняться на наблюдательную вышку в районе дубовой рощи.

Все остальные заняли свои места по огневым точкам. В казарме находились только дежурный и повар...

...До начала боевых действий оставалось не так уж много времени.

Никто точно не представлял себе, как это произойдет. И что будет потом. Все они выросли и возмужали уже после гражданской войны, и никто из них, кроме замполитрука Зинина, не слышал разрывов боевых снарядов. Они жили в пору мира, в пору великого энтузиазма наших первых пятилеток. На глазах у этих парней строились огромные заводы, электростанции, домны, вырастали новые города, прокладывались железные дороги; лозунг «Выполним пятилетку в четыре года» был самым популярным, а слова «мы должны» — самыми обязательными.

Страна хорошела, строилась невиданными темпами, вызывала удивление и ярость за рубежом. И гремели имена ее передовиков и героев. Сталевар Мариупольского завода Мазай... Кузнец Горьковского автозавода Бусыгин... Машинист Донецкой железной дороги Кривонос... А челюскинцы! А папанинцы! А первые Герои Советского Союза — семь летчиков, участвовавших в спасении потерпевших бедствие челюскинцев!

Как завидовали эти парни, ожидающие сейчас в темных дзотах, эти вчерашние мальчишки, как завидовали они летчикам, их славным беспосадочным полетам! Чкалов, Байдуков и Беляков пролетели без единой посадки девять тысяч километров от Москвы до Камчатки! Еще через год они же перелетели из Москвы через Северный полюс в американский город Ванкувер, пробыв в воздухе 64 часа 25 минут. Испытатель Владимир Коккинаки впервые в истории авиации достиг высоты 14 575 метров. Все победы эти были первыми в мире, лучшими в мире, а люди, одержавшие их, были рыцарями мужества и отваги, достойными любви и подражания.

И, уж конечно, гордость и сладостное ощущение нашего превосходства над всеми вызывали военные победы. Уже не раз Красная Армия скрещивала свое оружие с врагами и всегда побеждала. На КВЖД разбила белобандитов. У озера Хасан разгромила вторгшихся на нашу землю японцев. Прошел год — и стало известно о победоносно завершенных военных действиях против японских самураев в Монголии, на берегах реки Халхин-Гол. А совсем недавно отгремела война

с белофиннами, война очень трудная и жестокая, но все же успешно завершившаяся.

Советское оружие было непобедимым! Советское оружие будет всегда побеждать!

Честь и слава нашей великой Родине!

С именем Родины эти парни в зеленых фуражках вступали в комсомол, принимали военную присягу, выгигивались во весь рост на торжественных собраниях.

Теперь они были готовы умереть за нее...

Младший лейтенант обходил огневые точки, проверял боевую готовность. Он был сосредоточен и немногословен. И то же самое видел в своих людях. Не было ни лишних разговоров, ни суеты. Настороженность и тревога владели людьми. Как все мужественные и честные натуры, они не могли бравировать в такой обстановке, лгать себе и другим. Они понимали, что их ждет. Но Горбунов не видел в них ни растерянности, ни паники, не видел трусливо бегающих глаз и дрожащих рук. Теперь, когда неопределенность кончилась, когда им объявили, что через считанные минуты нападут фашисты, они обрели цель и знали только одно: надо стоять насмерть! Надо встретить врага пулей, штыком, кулаком, и — ни шагу назад! Ибо пограничники без приказа не отступают. А приказа такого не будет!

Здесь, на границе, они прошли хорошую школу. Тот, кто хоть один день проведет на границе, не забудет ее никогда. А тут — три года!.. Изодня в день, из ночи в ночь.

Вот рядом, через реку, — совсем другой мир, другая жизнь, чужая и враждебная. И кажется, что там все другое, не такое, как у нас: и небо темнее, и птицы не поют, и цветы не такие. И ждешь, что в тебя выстрелят вон из-за того дерева или запустят гранатой, что кто-то идет или ползет сейчас в нашу страну, чтобы причинить несчастье. Нервы напряжены, глаза замечают трепет каждого листика, слух обострен.

Граница не только географическое понятие, она проходит через сердца людей, делая их чрезвычайно чуткими к правде и лжи, добру и злу. Иной пограничник, лежа в секрете, видит свою родную деревеньку где-нибудь на Смоленщине, слышит легкое дыхание невесты, ощущает запах ржаного хлеба в родной пятистенной избе. И у него такое чувство, будто только он один может защитить все это от страшной беды. Только он и никто другой. Его сердце, его руки, его глаза. Он в ответе за все.

Горбунов верил в своих людей, верил, что они не дрогнут в решающий час.

Молчаливый и сосредоточенный, он спустился в блокгауз сержанта Василия Шалагинова. Тот встретил его у входа:

— Товарищ младший лейтенант, первое отделение к бою готово!

Он смотрел на начальника открыто и задорно, словно речь шла о том, что он готов участвовать в состязании по стрельбе.

Бойцы его успели устроиться в блокгаузе с удобствами. Горел огрызок свечи. Под ноги, чтобы не стоять в лужах, постелены доски.

«Когда это он успел?» — с теплотой подумал



Горбунов, а сам шагнул к пулеметчику и спросил строго:

— Доложите ваш сектор обстрела!

Ефрейтор Арсентий Васильев доложил — четко, без запинки.

Влево от амбразуры уходила сельская улица — с хатами, в которых не светилось ни одно окошко, с каменными погребями, укрытыми зеленым дерном, с домом напротив, в котором жили Денисюки, — тоже темным и молчаливым. Вправо рос большой сад, и за ним просвечивали постройки.

Горбунов посмотрел в другую амбразуру, в третью, в четвертую... Трава и кусты не мешали обзору, секторы обстрела были определены точно, но дальность и маневренность огня ограничивали эти чертовы сараи и хаты. Нет, придется драться за селом, все время меняя позиции, нанося неожиданные контрудары.

— Неважные у нас позиции, — сказал Горбунов. — Никакой видимости.

— Зато от снарядов укрытие, товарищ младший лейтенант! — ответил Шалагинов.

— Это на первой стадии боя, — возразил Горбунов. — Потом придется выйти из блокгаузов.

— Ясно!

Горбунов козырнул и вышел.

Так он проверил все огневые точки, и всюду командиры докладывали ему о готовности своих отделений к бою.

«О чем они думают? Какими словами изредка перебрасываются между собой?..»

Вернувшись в канцелярию, он уточнил с Горбачевым и Зининым последние детали предстоящего боя.

Переждать артобстрел в блокгаузах и окопах — это во-первых. Во-вторых, получив от наблюдателей точные данные о движении немцев, внезапно ударить по ним. В-третьих, если сил у противника немного, переправиться через реку и разгромить германскую пограничную «ваху» в Бубеле-Луковиском. Во-он она темнеет там, и над нею горит фонарь. Уничтожить это гнездо! В-четвертых, пропустить передовые части Красной Армии через границу, а уж там, на чужой территории, она даст жару немцам! Ох, и даст!

Пограничники верили, что помощь быстро придет.

Вот если бы еще долговременные огневые точки Волчинского укрепрайона были вооружены!.. Совсем было бы хорошо. Этим летом на участке заставы, вдоль самой границы, их построили несколько — железобетонных громадин, зарытых в землю, со своими телефонными линиями, водопроводом, жилыми помещениями, с амбразурами для пулеметов и орудий, позволяющими вести

фронтальный и фланкирующий огонь. Да вот не успели привезти и установить в них орудия и пулеметы. И стоят эти доты пустыми и беспомощными, и охраняют их красноармейцы без винтовок.

Несколько бойцов из этой сторожевой команды вместе со строителями стояли в Новоселках, неподалеку от заставы.

— Надо бы им винтовки выдать с патронами, — предложил Зинин.

— Уже выдали, я распорядился, — сказал Горбунов.

Лампу погасили: за окном брезжил рассвет. Утихомирилась мошकारа. Пахнуло скошенной травой и липовым цветом. Во дворе Кушников загорланил петух; ему ответили во дворе Марковских, во дворе Шумеров, во дворе Паневских... Во всех ближних к заставе дворах, а потом и в дальних. Прокричали петухи, где-то сонно промывчала корова, где-то звонко залаяла собака, почуяв рассвет.

«Может, все же сбегать домой, разбудить Машу?» — подумал Горбунов. Они снимали комнату в доме у Паневских — рядом с заставой. Три минуты туда, три минуты оттуда. Нет, пусть пока спит. Все равно ей ничем уже не помочь.

Они родились и выросли с ней в одной деревне на берегу Волги, неподалеку от Рыбинска. Вместе учились в школе, дружили. Потом его взяли в армию, а Маша закончила педтехникум и поступила в педагогический институт. Там ее приняли в кандидаты партии. В прошлом году он приезжал домой в отпуск, они поженились и вместе приеха-

ли сюда, в Новоселки. Ей шел двадцать третий год, и все еще было впереди.

Детей у них еще не было, и все дни Маша проводила на заставе, разучивала с пограничниками новые песни, ставила небольшие пьесы. Ездил вместе с ними на стрельбище, стреляла из боевой винтовки. И очень гордилась своим Горбуновым — он это знал, — гордилась и радовалась за него, за то, что его уважали бойцы, что дела на заставе шли хорошо.

— Как думаешь, уже сообщили товарищу Сталину? — спросил Горбачев.

— О чем? — не понял Горбунов, все еще думая о Маше.

— О том, что война в четыре часа начнется.

— Сообщили, это уж точно!..

Все трое взглянули на часы: было половина четвертого.

— Ну, я пойду к людям, — поднялся со стула Горбачев.

— Иди, комиссар, — кивнул Горбунов.

Комиссаром Леонтий Горбачев считал себя всю сознательную жизнь. Комиссаром, партийцем, пропагандистом... Общительный, веселый, отзывчивый, казалось, он предназначен судьбой для этой роли.

Родился и вырос Леонтий в Киргизии, неподалеку от города Фрунзе, в большом русском селе Беловодском. Пионер, комсомолец, молодой коммунист... В тридцать пятом окончил республиканскую партийную школу и стал работать в хлопководческом совхозе парторгом. Собrania, горячие речи, беседы с глазу на глаз...

Через год Горбачева призвали в погранвойска; он стал служить в родной Киргизии на высокогорной заставе, у подножья ледника Хан-Тенгри. Его сразу же назначили замполитрука, и опять беседы, политзанятия, разговоры по душам. И во всем — личный пример. Такая уж должность у замполитрука — быстрее всех собираться по боевой тревоге, искуснее всех рубить лозу на манеже, бить из винтовки в «десятку», не хныкать, когда в легких не хватает воздуха, а до горного перевала еще целых пятьдесят шагов. Не хныкать, не жаловаться — как бы тебе трудно ни было! Иначе грош цена всем твоим словам о воинском долге, о революционной бдительности, о железной дисциплине. И он высоко держал марку замполитрука и коммуниста.

В один прекрасный день Горбачев простился с высокогорной заставой и уехал учиться в военно-политическое училище.

И вот снова пришла пора учить и воспитывать других — теперь уж политруком. Опять граница. Освобождение Западной Белоруссии. Служба на второй заставе. Новоселки, Паниквы, Крынки, Немирово... Деревни эти на участке заставы, и в них живут белорусы, для которых слово правды о советской власти — очень важное слово. А кто должен доносить его? Политрук! Он представляет и армию, и советскую власть, и партию.

Горбачев шел по росистой траве к блокгаузу и прислушивался к пению петухов. Сумеречный рассвет уже стоял в саду. Где-то скрипнула калитка. Кто-то крикнул в тишине: «Но, побалуй у меня!»

Черт возьми! Скоро, совсем скоро начнется

война, а тут — петухи и коровы... Поднять бы с постелей людей, каждого защитить от беды!

Он жил в доме у кузнеца Михаила Нестеровича Гордеюка. Занимал чистенькую комнатку, которая долгими зимними вечерами превращалась в настоящий клуб. Приходили деревенские парни и девушки, Горбачев играл на баяне, пел непонятные киргизские песни, рассказывал разные чудные истории. Смех, шум стоял здесь до поздней ночи. И заглядывалась на него хозяйская дочка Нина, красивая и добрая, да только он и в мыслях ничего не имел насчет нее.

А тут еще Маша Горбунова стала показывать ему фотографии своих подруг да нахваливать каждую. Приглянулась ему одна — тоже Мария. На фотографии она была снята в берете, с завитушками. Весной Горбачев взял отпуск и махнул к ней в Рыбинск. С пограничным приветом! Но вблизи не понравилась ему Маруся (фото есть фото), но зато приглянулась ему подруга Маруси, Надя. Через некоторое время Леонтий предложил ей руку и сердце. Девушка хорошая, учится в техникуме и тоже вроде влюбилась в него с первого взгляда. Поженились. Прожили три дня. А тем временем отпуск кончился, и он уехал на границу, договорившись, что, как только Надя закончит учебу, приедет к нему. Уже и деньги на дорогу ей выслал, вот-вот должна приехать...

Тополиный пух устилал двор заставы, залетал в окна, снежинками ложился на зеленые фуражки пограничников. В сером небе одна за другой гасли звезды.

«Светает. Скоро...»

В пятницу над деревней летал немецкий самолет — так низко, что видна была голова летчика в больших квадратных очках. Высматривал заставу, огневые точки, строящийся дот на окраине Новоселок. Часовой на заставе мрачно ругался, и если бы не проходящий мимо политрук, всадил бы в брюхо стервятнику всю обойму.

А дома хозяйская дочка Нина испытующе посмотрела на Горбачева и спросила: война? Вот самолеты летают, и люди на деревне гутарят: война скоро начнется. Правда это?..

Что мог он ответить? Сказал, что всякое может быть. Потом он долго думал над словами Нины, сопоставлял их с собственными наблюдениями. Люди в Новоселках о чем-то возбужденно шептались, стаскивали домашний скарб в каменные погреба, раскупали в сельской лавке соль и спички, лица их были озабочены и невеселы.

Сейчас, за несколько минут до войны, он с душевной скорбью думал: неужели им опять суждено страдать? Снова кровь и пожарища? Нет! Этого нельзя допустить!

С этими мыслями Горбачев подошел к доту.

— Ну, как настроение, Шалагинов? — спросил он, спустясь в блокгауз.

— Нормально, товарищ политрук! — как всегда, бодро и отчетливо ответил сержант.

— Это хорошо, — похвалил Горбачев. — Кандидатская карточка с собой?

— Так точно, товарищ политрук!

— Покажите-ка.

Спрашивая партийный документ, он хотел как

бы еще раз напомнить человеку: ты — коммунист и обязан быть образцом для других.

Сержант бережно расстегнул карман на гимнастерке, вынул серую книжечку.

Кандидат в члены Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) Шалагинов Василий Кузьмич. Год рождения — 1918. Время вступления в кандидаты — август 1940. Карточка выдана политотделом погранотряда. Подписал ее начальник политотдела батальонный комиссар Ильин.

Все это Горбачев знал наизусть и потому не стал читать, а только подержал партийную книжечку в руках, осмотрел со всех сторон и вернул Шалагинову:

— Держите. И помните, люди будут равняться на вас.

Сержант как-то сразу подтянулся, посуровел и серьезно сказал:

— Мы этих фашистов, товарищ политрук, как на Хасане! Да?

— Обязаны, сержант!

Тот облегченно вздохнул и продолжал своим обычным бодрым, немного задиристым тоном:

— А то все другие воевали... На Хасане, на Халхин-Голе, на Карельском перешейке! Теперь и нам выпал черед!

— Значит, не подведете! — скорее утвердительно, чем вопросительно произнес Горбачев.

— Ну!.. Будьте спокойны, товарищ политрук!

— А бойцы отделения?

— И они...

И хотя политрук любил Шалагинова за его старание и некоторую лихость, хотя был уверен,



что и Шалагинов и его бойцы в самом деле не подведут в своем первом бою, сейчас его немного покорила эта излишняя уверенность сержанта, его уж очень наивный оптимизм. Но он только пожал Шалагинову руку и сказал на прощание:

— Ну, держитесь, ребята!

Иван Абдрахманов протянул кандидатскую карточку молча. По возрасту он был самым старшим из всех бойцов и сержантов, ровесник начальнику заставы. Спокойный, молчаливый, немного даже застенчивый.

Действует личным показом: как не «заваливать» мушку во время стрельбы, как мыть пол в казарме, как подворотничок подшивать. Возьмет иголку, проденет нитку и подошьет — ровненько, аккуратно-ненько.

— Вот так, — скажет — и больше ни слова.

Обычно Горбачев разговаривал с ним по-казахски, но сейчас обратился по-русски, чтобы слышало все отделение:

— Надеюсь, товарищ Абдрахманов, на вас, как на командира отделения и коммуниста!

Абдрахманов аккуратно спрятал кандидатскую карточку в карман и сказал скупое:

— Будем держаться, товарищ политрук!

— Ваша огневая точка на самом главном направлении.

— Будем держаться, товарищ политрук, — повторил Абдрахманов.

Они поговорили еще. Абдрахманов отвечал односложно и сухо: «Будет сделано», «Слушаюсь», но Горбачев ушел от него спокойный и уверенный: этот надежен!

С мрачноватой подавленностью встретил его боец Федор Герасимов. Тоже кандидат партии, рождения двадцатого года, из колхозников, совсем молодой, году еще не прослуживший на границе.

— Что же будет теперь с моей мамашей да сестренками? — сказал он растерянно.

— А сколько их у вас, сестреночек-то?

— Шестеро, товарищ политрук!

— Ого! И все невесты?

— Да нет еще, только две из них в школу-то ходят.

— Так. Ну, вот что, товарищ Герасимов, насчет сестренек ваших найдется кому позаботиться, а вот вы думайте, как фашистов крепче бить. Вы же коммунист!

Герасимов сконфуженно спохватился:

— Да я что, я ничего, товарищ политрук... Я вдарю так, что чертям станет тошно! Вот увидите...

— Посмотрим, — с усмешкой подзадорил его Горбачев, взглянул на часы и заторопился к пулеметчикам, среди которых находился еще один кандидат партии — ефрейтор Василий Баркарь.

Как и у всех остальных, он проверил у Баркаря кандидатскую карточку, расспросил о самочувствии. Василий был парень развитой, из городских, окончил среднюю школу, служил уже по третьему году, и ему было все ясно и понятно — так что он спросил вежливо и немного витиевато:

— Скажите, товарищ политрук, а не кажется вам, что немцы на сегодняшний день лучше подготовлены, чем мы? — и, почувствовав изумление Горбачева, добавил: — Нет, вы меня, пожалуйста, правильно поймите: я не паникую... Но наши доты в укрепрайоне не вооружены, самолеты ихние ведут непрерывную разведку...

— Вы правы, Баркарь, — негромко ответил Горбачев. — Доты не вооружены, самолеты летают. Но в гражданскую войну было еще труднее. Белые со всех сторон наседали на Москву. Со всех сторон! А кто победил?

Так «комиссар» поговорил со всеми коммунистами (пятым на заставе был Зинин, а шестым — он

сам), не забывая комсомольцев и беспартийных, всех проверяя и подбадривая перед боем, до которого оставалось всего каких-нибудь десять минут.

А Горбунов в это время складывал секретные документы в железный ящик, и его вдруг снова охватило сомнение: правильно ли поступил, объявив людям о нападении немцев? Ведь, по существу, он нарушил приказ. За всю службу впервые нарушил приказ!

Вот он укладывает в ящик инструкцию по службе пограничного наряда, инструкцию по службе пограничной заставы, наставления и уставы, различные приказы и распоряжения. Все в них точно предписано и указано: как в каких случаях действовать, что можно, а чего нельзя. Армия есть армия, и все в ней делается в соответствии со строжайшим распорядком и дисциплиной.

Горбунов понимал и любил военную дисциплину, учил этому подчиненных, требовал с них, наказывал за ее нарушение... И вдруг — сам нарушает приказ, святая святых, действует не по инструкции, а так, как диктует обстановка и подсказывает ему его собственная совесть.

Ну, а что, если он ошибся?

«Жди указаний», — все ясно-понятно. Сиди и жди.

А ведь он не стал ждать! Взял да и взвалил на себя такую тяжесть!

Горбунов захлопнул ящик, запер на ключ. За окном канцелярии серел рассвет — мирный и тихий, как всегда.

7. ПЕРВЫЕ ЗАЛПЫ

Люди стояли в блокгаузах, в окопах и ждали. Сжимая винтовки, напряженно всматриваясь и вслушиваясь в рассветную тишину. До четырех часов утра оставалось десять минут.

Никто не знал, что будет с ним через эти десять минут. Вспоминали ли они прошлое? Думали ли о будущем? Возможно. Но верно и то, что каждый из них жил настоящим и ждал. Ждал, не слышится ли из-за Буга первый выстрел, не появятся ли впереди неясные тени, не шелохнется ли гравинка перед амбразурой.

Никто не мог знать, что с ним будет, что будет с родной заставой, со всей армией и с этой стороной, но если бы кто и мог знать — все равно стоял бы сейчас и ждал, как будет стоять потом — до последнего патрона, до последнего вздоха.

Но все это будет потом. Будет все — и смерть, и великие испытания, и возмужание, и радость победы. Все падет на долю этих людей. Но это будет потом.

А сейчас они ждали.

Самыми первыми должны были встретить врага ефрейторы Иван Сергеев и Владимир Чугреев. Получив боевой приказ, они вышли с заставы и направились на правый фланг, где им было приказано расположиться. Впереди со сторожевой собакой шел Сергеев, за ним — Чугреев с ручным пулеметом. Еле заметная в темноте, мягкая от пыли проселочная дорога вела по ржаному полю, по сосновому лесу, мимо Крынок, маленькой лесной деревушки, потом поднималась на высокий обрыви-

стый берег и уходила дальше, спускаясь вниз, к деревне Немирowo на самом берегу Буга.

Все эти места оба пограничника исходили не раз и не два, вдоль и поперек, днем и ночью, зимой и летом, и все им было знакомо и привычно здесь. Они знали наизусть даже надписи на старинных могильных плитах около часовни в Крынках, знали, где какой куст растет вдоль дороги.

Но сейчас они шли по этим местам как бы впервые, возбужденные и встревоженные приказом. «Ваша задача: при переправе немецких войск через Буг открыть по ним пулеметный и ружейный огонь...»

Да, сейчас они шли не в обычный наряд. Впрочем, и в обычных нарядах всего можно ожидать. Такая уж служба! Выходишь с заставы — и не знаешь, вернешься ли живым. И ничего, привыкли. Привыкнуть ко всему можно.

Но сейчас...

И все же к концу дороги выдержка взяла свое. Привычно поднялись в гору, привычно свернули с тропы, прошли к самому обрыву, спрыгнули в неглубокий окопчик, осмотрелись.

Глубоко внизу серебрилась под звездами лента Буга. Позади одиноко чернела ветряная мельница. Справа и слева тянулся берег в кустах и траве. Неподалеку темнела глубокая воронка — след бомбежки в сентябре тридцать девятого года.

Чугреев установил ручной пулемет. Сергеев усадил собаку.

И вот теперь они должны были ждать врага. И если появится — встретить его самыми первыми.

Светало. Гасли звезды. Зеленая заря всходила у них за спиной. Белесый туман дымился низко над Бугом. В просветах чернела вода. В голубоватой дымке виднелись польские села. Справа — Гнойное с его высокой церковью; слева — Старый Бубель и Бубель-Луковиско с ветряными мельницами; еще левее — Бучице Старе и небольшой городок Янув-Подляска с длинным зданием государственного конезавода и духовной семинарией. А прямо через реку чернели леса — знаменитая Гноенщина, откуда и нужно ждать удара.

Все проглядывалось сквозь серые сумерки из этого окопчика на высоком обрывистом берегу.

— Как думаешь, много немцев полезет? — спросил Чугреев, повернувшись к товарищу. Его еще совсем мальчишеское лицо казалось серым, а светлые обычно озорные глаза смотрели сурово и озабоченно.

— Когда полезут, тогда и увидим, — сдержанно ответил Сергеев, вглядываясь в чужой берег, играя желваками на смуглых скулах.

— Ну, а все же? — не унимался Владимир.

Сергеев повернулся к Чугреву, взглянул на него. В карих глазах сверкнул недобрый свет.

— Ты чего?

— Если полк полезет? — упрямо повторил Чугреев, не отводя взгляда от недобрых сейчас сергеевских глаз.

— Если полк, все равно будем стоять и бить гадов! — твердо сказал Сергеев и выпрямился в окопчике.

Овчарка посмотрела на него и беспокойно навестила уши.

— Фу-у, все в порядке, Зильда, — тихо сказал ей Сергеев.

— Расположить бы здесь отделение! — с завистью проговорил Чугреев. — Дали бы жару! А то у меня всего три диска... Ну, ничего, мы им живыми не дадимся, умирать так с музыкой!

Неделю назад он послал домой, в деревню Акимовку Запорожской области, письмо, в котором, между прочим, писал: «...Это письмо будет, возможно, последним, но вы, родные мои, не волнуйтесь. Что бы со мной ни случилось, жизнь даром я не отдам». Оказалось, что это действительно было его последнее письмо.

У Чугреева жили в Акимовке отец, мать и младшая сестра, а Сергеев был круглый сирота и писем почти никому не писал и ниоткуда не получал. И уверял, что не любит писать письма и разводить всю эту «лирику». Но в глубине души он немного завидовал своему товарищу, его письмам, рассказам о доме; и ему, Сергееву, было, конечно, обидно, что он такой одинокий на всем белом свете. Вот недавно, когда он задержал сразу семерых нарушителей границы и получил пятнадцать суток отпуска, он не знал, куда и к кому поехать на эти две недели. Хорошо, что Володя Дорофеев, однокашник и сосед по койке, предложил: поезжай к моему отцу, в деревню Лука Псковской области. Ну, взял и поехал. И еще больше затосковал в многолюдном и дружном кругу Володиной родни. Но виду не подавал и время провел в гостях весело.

Он вообще никогда не подавал виду, что ему тяжело, и никогда ни на что не жаловался.

— Вот это другой разговор! — похвалил Сергеев и улыбнулся запальчивой готовности друга «умереть с музыкой».

Но враг не появлялся. Туман над рекой рассеивался. Небо светлело все больше.

— Знаешь, Иван, может, на сегодня и обойдется? Уже совсем светло стало, — сказал Чугреев, снимая фуражку и вытирая вспотевший лоб.

Но Сергеев с беспокойством наблюдал, как Зильда встала на задние лапы, высунула голову из окопчика и сердито заворчала.

На реке из тумана выплыла большая резиновая лодка, она приближалась к нашему берегу. И на наш берег направил ручью пулемет солдат в каске, сидящий на самом носу лодки. Четыре солдата гребли, шестеро сидели по бортам, а на корме был офицер. И этот офицер и шестеро автоматчиков на бортах тоже всматривались в наш берег.

Лодка держала курс прямо к обрыву, оставляя за собой длинные усы волн. Сергеев и Чугреев молча наблюдали за нею.

Граница здесь проходила строго посередине Буга, лодка уже пересекла ее. Не оставалось сомнений, что немцы намерены высадиться на советский берег.

Конечно же, им было страшно, Сергееву и Чугрееву, в эти минуты. Только глупец не испытывает страха перед смертным боем. А тут — первый бой в жизни, да еще двое против двенадцати. И неизвестно, что будет дальше.

— Ударим, как только станут высаживаться, — глухо сказал Сергеев.

— Ага, — ответил Чугреев.

У них было три диска на ручной пулемет, по два боекомплекта патронов на винтовку и по четыре гранаты «лимонки» на брата. Не так-то много для настоящего боя, но не так уж и мало, если учесть такие преимущества, как высокий берег и внезапность удара по десанту.

Сергеев вынимал из сумки гранаты, ввинчивал в них запалы, раскладывал перед собой на бровке окопа. Чугреев примеривался к пулемету, прицеливался из него к далёкой кромке воды.

Лодка ткнулась тупым носом в песок. Два солдата уже прыгнули в мелкую воду.

— Ну, Володя, давай! — выдохнул Сергеев.

И тут же выдернул кольцо из «лимонки», размахнулся и бросил вниз:

— Получай, гады!

И сразу же метнул вторую гранату.

А Чугреев, прижавшись к пулемету, затрясся в длинной и хлесткой очереди.

Два взрыва и пулеметная очередь слились в сплошной гул и треск. Пороховой дым и взметнувшаяся земля на минуту или две все закрыли внизу, а когда рассеялись, стало видно, как в лодке, в мелкой воде и на песке валялись и корчились сразу шесть или семь, а может, и все десять фашистов. Два или три солдата убегали вдоль берега к кустам ивняка. Короткая очередь, и они попадали, так и не добежав до кустов.

Чугреев отвалился от пулемета и вытер рукавом раскрасневшееся лицо.

Все было отлично! Отличная боевая позиция в этом окопчике, отличный внезапный удар — все отлично!

И двенадцати фашистов, которые пять минут назад нахально плыли к нашему берегу и уже ступили на него, больше не существовало. Гады, захотели нашей, советской земли!..

Оба пограничника были так возбуждены боем, что не слышали, как из-за Буга все нарастал и приближался мощный рокот десятков самолетов. И в это же время над вражеским берегом во многих местах взметнулись крест-накрест красные ракеты. Не успели они еще рассыпаться и погаснуть в светлеющем небе, как сразу по всему Забужью загрохотали орудийные залпы, сливаясь в непрерывный оглушительный гул. Земля задрожала и заходила ходуном. Зильда в ужасе прижалась к ногам Сергеева. В воздухе стоял оглушающий





рев самолетов. Двадцать или тридцать бомбардировщиков с белыми крестами на крыльях сомкнутым строем летели на восток и там, наверху, поблескивали в лучах восходящего солнца. Они прошли и скрылись, а из-за Буга летела вторая волна, и все так же оглушительно гремели орудийные залпы.

В деревне Немирово в нескольких местах встали взрывы, загорелись хаты, и было видно, как за околицу бежали люди.

— Неужели война? — срывающимся голосом сказал Чугреев.

Сергеев промолчал.

Оглушенные, ошеломленные, они стояли в окопе, забыв даже пригнуться на всякий случай. Удар с той стороны Буга был настолько внезапным и мощным, так разрастался в своей сокрушительной силе, что оба они в первые минуты решительно ничего не соображали и только потом, когда поняли, что это война, их охватил ужас и негодование.

Но война пока что катилась стороной от них — в небе и где-то сзади, там рвались снаряды и падали бомбы. И они собрались, пришли в себя. Сергеев отряхнул с гимнастерки землю, поправил фуражку, Чугреев вытер вспотевшие ладони. Они выглянули из окопчика: что там, на переправе?

И то, что они увидели, окончательно отрезвило их и освободило от страха, хотя и было самым страшным.

Одна за другой с того берега спускались в воду огромные лодки и, наращиваясь одна на другую, двигались к нашему берегу. То же самое можно было видеть и вверх и вниз по течению. Реку пересекали понтоны. И по ним уже бежали, бежали солдаты в рогатых касках...

Нужно было действовать — отбивать врага от родной земли. И пускай их только двое, а фашистов десятки и сотни — все равно отбивать.

— Давай, Володя! На всю катушку! — крикнул Сергеев и стал бить из винтовки, приберегая гра-

наты на крайний случай и твердо зная теперь, что этот крайний случай не замедлит настать.

А Чугреев, вставив в пулемет новый диск, стал посылать короткие прицельные очереди, с радостью видя, как с понтона падали в реку солдаты.

Но тут с противоположного берега пустили дымовую завесу, и молочное облако стало заволакивать понтоны. Первая мина просвистела и шлепнулась позади окопчика, обдав пограничников жарким дыханием взрыва.

Кончились первые тридцать минут войны, и оба они — Иван Сергеев и Владимир Чугреев — прошли уже первые испытания и выдержали первый экзамен на верность и мужество...

Как и было приказано, с наступлением рассвета ефрейтор Николай Бедило с ручным пулеметом и рядовой Амансеит Масрупов поднялись на дозорную вышку в дубовой роще на левом фланге участка. Бедило — украинец, здоровенный плечистый парень, а Масрупов — казах, худощавый и невысокий. И, может, поэтому одна из первых немецких пуль угодила не в него, а в огромного Николая Бедило. Во всяком случае, так показалось сначала Амансеиту.

— Коль, Коль, слушай, Коль... — тормошил он безжизненное тело товарища, чуть не плача от того, что тот убит, а он жив и теперь должен один отбиваться от немцев, без старшего наряда, совсем один. Лучше бы его самого убило, а Бедило остался жив...

Через Буг с шелестом летели снаряды, рвались

в Новоселках и Величковичах. Дубовую рощу прошивали пулеметные очереди. Пули повизгивали совсем рядом с вышкой. А Масрупов и не думал покидать пост, который ему был поручен и за который он теперь отвечал один. Он был исполнитель и настойчив, и никакой страх не мог пересилить его решимости отстаивать вышку.

И потому Амансеит взял у мертвого Бедило обе гранаты, подхватил ручной пулемет с дисками, спрятался в деревянную будку и стал из ее окна вести огонь по вражеским солдатам, которые перебегали мимо рощи от реки к Новоселкам.

Солдаты бежали в полный рост, рукава их мышиных мундиров были закатаны, каски сдвинуты на затылки. И Амансеит радовался, когда от его выстрелов то один, то другой кувыркался в траву.

Одна группа автоматчиков свернула к вышке, ведя по ней автоматный огонь. Амансеит подпустил их поближе и бросил гранату. Гитлеровцы отхлынули, прячась за стволы деревьев.

— А-а, шайтаны! Иттин баласы! * — торжествующе закричал Масрупов, в грохоте залпов не слыша своего голоса.

Потом немцы снова бросились к вышке, и Амансеит снова отбил их гранатой и пулеметной очередью.

Так повторялось несколько раз.

И каждый раз Амансеит кричал:

— Иттин баласы! — и не слышал своего голоса.

* Иттин баласы — собачьи сыны.

Он уже не испытывал ни страха, ни отчаяния, он готов был биться до конца. Но в это время немецкие автоматчики куда-то отхлынули, а с противоположного высокого берега по дубовой роще ударили из орудия. Били по вышке. Недолет. Перелет. Третий поджег будку прямым попаданием. И Амансеит Масрупов, комсомолец, пограничник второго года службы, упал на землю.

В Новоселках снаряды рвались со всех сторон. Один попал в пристройку — туда, где была столовая заставы. Деревянное здание запылало, но ни один пограничник не был ни убит, ни ранен. Все они находились в блокгаузах и окопах.

Томительная неизвестность кончилась, и теперь все ждали команды открыть огонь или броситься в контратаку. Серые фигуры уже показались со стороны Крынок. Немцы шли в полный рост, выставив вперед автоматы и стреляя из них куда попало.

А за Бугом с новой силой гремели залпы, и в Новоселках то здесь, то там вспыхивали новые пожары. Тревожно мычали коровы, дико ржали лошади, но улицы были безлюдны — все население попряталось в схороны и погреба.

Вдруг бойцы увидели, что со стороны Крынок от Буга бежит овчарка. Это была Зильда. Она бежала прихрамывая, шарахаясь от взрывов, но все вперед и вперед, к заставе. Когда она вбежала во двор, Горбунов выскочил из блокгауза и громко позвал ее к себе. Из-под ошейника у Зильды он

вынул записку. Развернул. Прочитал. Снял с головы фуражку.

Скоро вражеская артиллерия перенесла свой огонь куда-то дальше, на Волчин и Высоко-Литовск. Стало тише. Это было затишье перед боем. Фашисты уже шли по ржаному полю.

— Приготовиться к отражению атаки! — командовал Горбунов.

И когда пограничники залегли лицом к наступающему врагу, начальник заставы снова развернул записку и громко, чтобы слышали все, прочитал:

«Кончаются боеприпасы. Прощайте, товарищи! Пограничники не сдаются. Сергеев».

8. ДО ПОСЛЕДНЕГО ПАТРОНА

Немцы наступали по ржаному полю со стороны Крынок.

Пограничники лежали в окопах и ждали. Окопы были неглубокие. В них можно было только лежать или сидеть на корточках. Но теперь это уже не грозило людям большими потерями. Артиллерийский обстрел они переждали в надежных блокгаузах и сейчас, в семь часов утра, не имели ни единого убитого и раненого.

Когда обрушился артиллерийский шквал, когда в блокгаузах слышали мощный гул самолетов, летящих на восток, люди поняли: да, война началась и нет больше никакой надежды, что все обойдется.

И посуровели лица, смолкли скупые разговоры.

Теперь они, полные решимости и готовности биться, лежали в окопах и ждали. Горбунов с автоматом в руках был вместе с ними. Он только что прочел вслух записку Сергеева и видел, как нахмурились брови, как руки бойцов сжали оружие.

— Эх, Иван, Иван, — негромко вздохнул сержант Занозин, командир отделения.

— У Володи родители шибко убиваться будут, — горестно заметил еще кто-то, кажется Бричев.

Остальные молчали, вглядываясь в ржаное поле. Но все они — Горбунов это отлично видел — тяжело переживали гибель своих товарищей. Это были первые жертвы войны на их заставе, а ведь так недавно и Сергеев и Чугреев были рядом с ними!

Все, что произошло там, на переправе, и вот-вот начнется здесь, — весь этот грохочущий залпами рассвет казался нереальным, каким-то страшным сном, в это все еще не верилось.

В кармане у Занозина — это Горбунов тоже знал — лежала любительская фотография, на которой изображен Иван Сергеев в полный рост, с пистолетом на ремне и значками на широкой груди. Рядом с ним стоят его дружок Владимир Ерофеев и сам Занозин, а впереди них на табуретках сидят младший сержант Ипполитов с гармошкой и ефрейтор Орлов с гитарой в руках. Пятеро боевых друзей, снимок сделан во дворе заставы всего лишь месяц назад. А сколько еще таких любительских фотографий в карманах и солдатских тумбочках!

Эти еще не успевшие пожелтеть карточки как бы увековечивали их дружбу на многие годы.

Теперь никто не знал, что с ними будет через час и через два.

Немцы шли в полный рост и строчили из автоматов. Падали ветки и листья, сбитые с ветел.

— Без моей команды не стрелять! — предупредил Горбунов.

Пограничники молча ждали, пока вражеские солдаты подойдут поближе.

Сколько же их?

Взвод, два, три... Не менее роты. Да, не меньше, если не больше. Человек сто пятьдесят против этих двадцати пограничников, что лежат слева и справа от Горбунова.

— Без команды не стрелять! Подпустим ближе! — повторил он.

Жаль, что бойцов под руками сейчас так мало и они совсем необстрелянные. Не как эти немцы, прошедшие всю Европу. Вон как бледны лица ребят, как нетерпеливо посматривают они в его сторону: дескать, не тяни, начальник, давай команду!

А может, это он сам нервничает перед тем, как начать бой? Ему вспомнился кинофильм «Чапаев». Психическая атака каппелевцев. Все ближе, ближе подходят они к чапаевцам. Строевым шагом, под дробь барабанов...

Немцы перестали стрелять, видимо полагая, что никаких пограничников после артобстрела в селе не осталось. Людей Горбунова в окопах они не заметили.

«Ну, пора!» — подумал Горбунов и громким, неожиданно звонким голосом подал команду:

— Застава, огонь!

Ударили оба пулемета. Грянули залпы винтовок. Дым окутал старые, поросшие травой окопы.

И сквозь этот дым все увидели, как немцы стали падать, стали пятиться, а некоторые побежали назад. Потом остановились, залегли на минуту, опомнились и снова пошли в атаку, ведя огонь по окопам. Снова ударили пулеметы и винтовки пограничников и теперь уже не замолкали ни на минуту. Стрельба слилась в сплошной грохот.

Но самое главное было в том, что вражеские солдаты все падали и падали под пулями пограничников и серо-зеленые мундиры все устилали землю.

— Бей их, гадов, бей! — кричал Горбунов, чувствуя, как мстительный восторг овладевает всем его существом.

И все остальные бойцы тоже что-то кричали, посылая пулю за пулей и очередь за очередью. Ощущение победы, хоть и непрочной, окрылило их души.

Немцы не выдержали. Остатки их, прячась во ржи, отошли к Бугу.

К одиннадцати часам утра бой разгорелся во многих местах вокруг Новоселок. Оборона, как и предполагал Горбунов, приобрела маневренный, очаговый характер.

Из комендатуры подоспела группа поддержки во главе с капитаном Кондратьевым. Он взял на себя оборону самого ответственного участка — западной окраины деревни, обращенной к Бугу. Ря-



дом с ним, чуть южнее, дралась другая группа под командой старшего лейтенанта Рынди. На восточной окраине сражались пограничники заставы во главе с политруком Горбачевым, а на северной — пулеметчики. Арсентий Васильев со своим ручным пулеметом залез на чердак опустевшего крестьянского дома, выбил в крыше черепицу, выставил в этот пролом пулемет и бил по немцам сверху, пока не кончились патроны во всех трех дисках.

Теперь пограничники уже имели за плечами опыт первых часов войны и держались более уверенно и хладнокровно. Все, чему учили их командиры — меткой стрельбе, штыковому бою, маневру, — все это пригодилось. И все те качества, ко-



торые они приобрели, воспитали в себе за годы пребывания на заставе — сила, ловкость, бесстрашие, упорство, товарищеская выручка, — все это тоже сослужило свою службу.

Но главное было в душевном опыте бойцов, в реальности поражения немцев. А то, что фашисты все наседали и наседали, сожгли половину деревни, топтали нашу землю, — все это рождало гнев и удесятеряло силы.

В двенадцать часов Горбунову доложили, что есть убитые и раненые. Погибли на вышке пулеметчик Николай Бедило и стрелок Амансеит Мас-

рупов. Тяжело ранен в живот ефрейтор Михаил Бричев...

Деревня горела. Дым стелился в пыльном жарком воздухе. На заставе сгорела дотла деревянная пристройка, в которой находилась столовая. Казарму удалось спасти от огня.

Горбунов, грязный, потный, с автоматом в руке, взбежал на крыльцо, толкнул дверь в канцелярию. Нужно было срочно закопать железный ящик с документами. Да, закопать! Застава дерется почти в полном окружении. Никакой помощи пока не видно. И приказа отступать тоже нет. Телефонная связь с Волчином, Брестом и соседними заставами давно прервана. Значит, придется драться до последнего патрона, до последнего человека. Он, Горбунов, и его бойцы могут погибнуть, но секретные документы пограничной службы не должны попасть в руки врагу. Ящик с документами нужно зарыть в землю. Только так!..

Горбунов вбежал в канцелярию, поднял с пола ящик. Какие-то бумаги лежали на столе политрука Горбачева, какие-то книги и тетради, но не было времени рассматривать их. Наверняка не секретные! Все секретные и совершенно секретные документы уложены его собственными руками и заперты на ключ в этом железном ящике.

Не замечая тяжести, Горбунов быстро вынес его во двор и крикнул старшину Мишкина, выпускавшего из конюшни лошадей. Тот подбежал.

— Всех выгнал?

— Нет, еще повозочные остались.

— Эти пускай остаются. А верховых чтоб и духу не было! Не понадобятся, отступать не будем!

— Ясно...

— Вот, возьмите ящик и закопайте поглубже. Место покажете мне лично.

— Слушаюсь!

Через полчаса старшина в суматохе боя отыскал Горбунова, доложил, что документы зарыты. Вместе они вбежали во двор; Мишкин показал на замаскированное свежим дерном место около мачты с флагом заставы. Теперь, когда документы находились в безопасности, оба они могли вернуться к пограничникам, ведущим смертный бой.

Пробегая мимо окопа, Горбунов увидел в нем Машу. Она перевязывала Михаила Бричева.

Разбудил ее неслыханной силы гром. Дом ходил ходуном, стекла звенели. Гром катился со стороны Буга.

Первые секунды Маша не могла ничего понять. Она сидела на кровати и смотрела в окно, за которым творилось что-то страшное. Неподалеку, около заставы, рвануло пламя, по стенам хаты хлестнули комья земли, на конюшне дико заржали кавалерийские кони.

«Где Вася? Что с ним?» — мелькнула в голове тревожная мысль, и Маша ужаснулась, поняв, что на заставе идет бой.

Распахнув дверь, быстро вошел Горбунов. Стремительный, подтянутый.

— Ты жив? — обрадованно выдохнула Маша.

— Как видишь...

— Что это, Вася?

— Война.

Маша бессильно опустилась на кровать.

— Одевайся и приходи на заставу! — крикнул Горбунов и вышел.

Маша торопливо оделась и выбежала вслед за мужем.

Дрожала и качалась земля. Метались в ужасе люди, выбежавшие из горящих домов. Во дворах, обезумев от страха, ржали лошади, мычали коровы.

Пограничники находились в окопах с винтовками наготове. Маша спрыгнула к ним.

Вчера вечером она сидела с ними в беседке, негромко пела песни. А сегодня — война. Приходил на заставу деревенский мальчишка Паша Калихович, приносил кринку парного молока для заставских щенят. А сегодня — война. Было тепло и тихо, ярко мерцали звезды, пахло липовым цветом. А сегодня — война.

Часто и страшно рвались снаряды, дым и пыль висели над деревней.

Маша, конечно, и раньше догадывалась, что надвигаются грозные события. Но чтобы так внезапно, так вероломно?!

Все время она была вместе с пограничниками: приносила воды напиться, перевязывала и перетаскивала раненых в блокауз. Сейчас она перевязывала Михаила Бричева. Он был ранен на северо-западной окраине Новоселок, во время второй или третьей атаки фашистов. Осколок гранаты попал ему в живот, и его принесли на носилках.

Маша, как умела, промыла ему рану спиртом из аптечки, перевязала двумя индивидуальными пакетами, вытерла холодный пот со лба. Бричев открыл

глаза, увидел жену начальника заставы. Посмотрел на нее долгим, полным благодарности и тревоги взглядом и снова закрыл их.

Машу окликнули: кто-то из раненых просил пить.

Она так больше и не заглянула домой и не знала, что там творится...

Бой продолжался.

Гитлеровцы наседали с южной стороны, от дубовой рощи.

Там их встретили отделение Василия Шалагинова и расчет станкового пулемета под командой Кузьмы Никитина. С ними же был и замполитрука Михаил Зинин. Правее их, ближе к Бугу, отбивали вражеские атаки бойцы капитана Кондратьева и старшего лейтенанта Рынди. Оттуда доносились пулеметные очереди и винтовочная стрельба.

Но наиболее яростные удары фашистов приходились все-таки по бойцам заставы. Одну за другой они отбивали атаки, а фашисты, несмотря на потери, все поднимались и поднимались для нового броска.

Вот уж когда пригодился неисчерпаемый оптимизм отделенного Василия Шалагинова!

— Бей, не робей! — покрикивал он, появляясь там, где труднее всего.

В пилотке, сдвинутой набекрень, с автоматом в крепких руках, он был вездесущ и неуязвим, и пограничники при виде его подтягивались и веселили.

К часу дня осложнилось положение на северо-западной окраине Новоселок. Из всех защитников этого участка остались невредимыми лишь Павел Капинос и Иван Бузин. Вообще-то Капинос был стрелок-снайпер и начал бой со своей снайперской винтовкой. Но к полудню убило пулеметчика, и он залег за станковый пулемет. Вторым номером у него стал Бузин. Сейчас они лежали в старом окопчике, в ольшанике, и вели огонь по фашистам. Те рвались в Новоселки со стороны Крынок и сосновой рощи, но пулемет Капиноса не пускал их в деревню. Капинос бил короткими, меткими очередями, сберегая патроны. Его красивое юное лицо, всегда такое светлое и восторженное, сейчас было строгим и повзрослевшим.

А патронов оставалось все меньше, и вот уже последняя лента заправлена в «максим». Уже нечем заряжать Ивану Бузину пустые ленты.

— Беги на заставу, тащи патроны! — крикнул Павел.

— А ты?.. — спросил Бузин.

— Беги! Я придержу их! — и, видя, что Бузин колеблется, прикрикнул: — Давай выполняй! Патроны нужны!

Бузин отполз по окопу, по ольшанику, потом вскочил на ноги и побежал к заставе.

«Все равно мы вас не пустим! — думал Капинос, наблюдая, как немцы, залегшие во ржи, ворочали своими зелеными касками, готовясь к новой атаке. — Вот притащит Ваня патроны, и все будет в порядке».

Но он не знал, что по пути на заставу Бузина ранило в ногу, что Иван лежит в траве, не в си-

лах подняться, истекая кровью. Он не знал этого и надеялся, что вот-вот принесут патроны и все будет в порядке. А пока надо держаться и не пускать немцев.

Павел полез в карман за платком, чтобы вытереть с лица струившийся пот. И вместе с платком выронил надорванный конверт. Письмо из дома. От отца Пантелея Андреевича. Получил недавно, прочел, спрятал в карман. Письмо из села Преображенское Прикумского района Ставропольского края. Этот обратный адрес, как и адрес заставы, как и все немногословное письмо, был написан по просьбе отца кем-то другим: отец был малограмотный и писал плохо.

Пантелей Андреевич интересовался здоровьем сына, передавал ему поклоны и приветы от мачехи (мать умерла в тридцать четвертом году), старшего брата Василия, младшего брата Ивана, и сообщал, что все они живы-здоровы, чего и ему желают. Потом с тревогой и недоумением спрашивал, отчего такое тревожное письмо он прислал в последний раз?.. Что у них там, на границе, делается?..

Павел, вспомнив сейчас об этом, усмехнулся. В последнем своем письме домой он намекал, что на границе у них стало беспокойно, дескать, всего можно ожидать. Намекал осторожно, но отец почувствовал тревожный тон письма.

Сейчас Павел всматривался туда, где шевелились каски фашистов, переползавших по высокой ржи. Вот они уже и на нашей земле!

Был у него в Преображенском закадычный дружок Николай Удовенко: вместе росли, вместе

работали в колхозе. Только взяли их в армию в разные места: Павла — на Западный Буг, а Николая — на Дальний Восток. Здесь, на Западе, тогда еще было тихо, а на Халхин-Голе шли бои. И Капинос завидовал другу.

Теперь пришел черед и ему воевать.

Он не знал, что немцы наступали на огромном фронте, от Балтийского моря до Черного, что они уже бомбят Минск, Киев, Севастополь и другие города. Он знал только то, что видел своими глазами: фашисты лезли на Новоселки, их нужно остановить и уничтожить. И он был готов повторить подвиг защитников Халхин-Гола.

Его «максим» преграждал путь немцам, рвущимся к Новоселкам по единственной проселочной дороге, идущей от Буга. Это был самый короткий и удобный путь к деревне и заставе. По нему потом могла двинуться техника, артиллерия. Но эту дорогу закрывал он, Павел Капинос.

Гитлеровцы поднялись из ржи и пошли на него. В какой уж раз! И снова хлестнула пулеметная очередь, и несколько солдат упали. И еще очередь, и еще, и еще... От кожуха валил пар, бешено прыгала в прорези мушка. Павел ничего не видел, кроме этой мушки и бегущих на него вражеских солдат.

И вдруг замерла мушка, оборвался грохот. Громко лязгнул впустую затвор, выскользнула из приемника лента. Вместе с нею кончились и патроны.

Пулемет молчал.

За спиной Капиноса пылали дома в деревне.

Слышалась частая стрельба. Застава еще держалась.

Фашисты снова поднялись, побежали на Капиноса, на ходу стреляя из автоматов. «Вот и все, — подумал он. — Теперь уж все. Но живым я им не дам! Это точно!»

Между тем противник сбросил в тылу заставы парашютный десант. Это было невероятно: против горстки пограничников, окруженных почти со всех сторон, бросать еще и парашютистов. Но это было именно так. Видимо, основательно мешала их продвижению эта горстка пограничников! С транспортного самолета одна за другой отделялись черные фигурки людей, и над ними вспыхивали белые купола парашютов. Десант был сброшен с небольшой высоты, и парашютисты приземлились быстро. Купола один за другим «гасли» на зеленых буграх, около двух ветряных мельниц. Кольцо вокруг пограничников замкнулось.

Прорвать его Горбунов поручил политруку Горбачеву.

— Возьми станковый пулемет, ручной, отделение Абдрахманова и выдвинься к мельницам, — сказал Горбунов. — Как только будут подходить — ударь по ним из всех видов оружия. Давай!

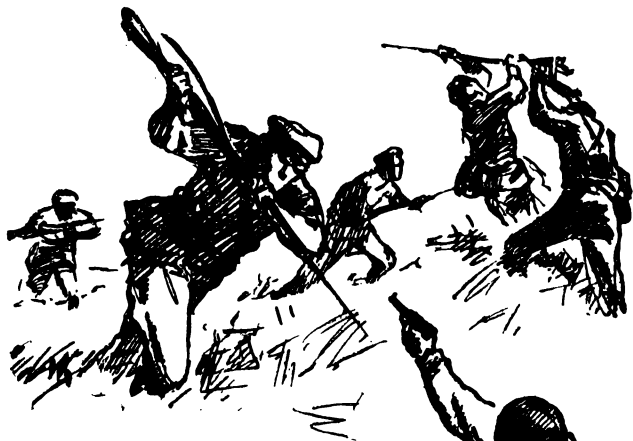
Горбунов уже давно, с первыми залпами, отбросил прочь свои минутные колебания и окончательно понял, как он был прав, изготовив заставу к бою. В ратном деле побеждает тот, кто не толь-



ко блюдет дисциплину, но и разумно проявляет свою собственную находчивость и волю. Это же понял и Леонтий Горбачев. Он был бесконечно признателен судьбе, что в столь решающий час он оказался рядом с Горбуновым.

Горбачев направился к мельницам. Вслед за ним бежал всегда молчаливый и застенчивый, а тут ставший энергичным и решительным Абдрахманов, бежали бойцы его отделения и пулеметчики. Стучали на кочках колеса «максима», цеплялись за длинные травы сапоги пограничников.

Добежав до мельниц, пограничники залегли на гребне холма, в старых оставшихся от мировой войны окопчиках. Парашютисты уже приземлились и теперь растягивались в цепочку. Их было человек двадцать, не меньше.



Младший сержант Абдрахманов со своим отделением был в самом центре обороны. Слева — ручной пулемет, справа — станковый. Абдрахманов пересчитал бойцов. Их было семеро. «Ничего, выстоим», — решил он.



На самом деле Абдрахманова звали Галиюллой, а не Иваном, как записали его в списке личного состава для удобства произношения. Галиюлла был наполовину татарин, наполовину казах, родился в казахском ауле, в бед-

няцкой семье. Мать его была совсем неграмотная, а отец мог только читать молитвы на арабском языке.

Зато сам Галиюлла окончил в Алма-Ате два курса сельскохозяйственного института. Он жил в городе у старшего брата Хабибуллы, отслужившего в Красной Армии, в кавалерийском полку. Брат был снайпер: он на скаку попадал в глаз басмачу. Вот бы его сюда, он бы издала перестрелял всех этих парашютистов, как куропаток.

Горбачев приказал подпустить их поближе, забросать гранатами и опрокинуть штыковым ударом. «Ну, что ж, это тоже можно, — рассудил Абдрахманов. — Будем колоть штыком». Он был согласен бить любым оружием, лишь бы бить этих фашистов. Лишь бы их меньше осталось в живых!

И когда политрук поднял пограничников в контратаку, Галиюлла Абдрахманов, командир отделения и кандидат в члены партии, рванулся на врага впереди всех и сразу же, с ходу застрелил двух фашистов. Потом увидел их командира, который бежал с пистолетом в руке, и ринулся на него. Офицер выстрелил почти в упор, но промахнулся. И тогда Абдрахманов всадил в него штык.

Но в это время рядом разорвалась граната, и Галиюлла почувствовал, как ему обожгло правый бок. Падая в окопчик, он потерял сознание.

Парашютный десант был уничтожен. Но атаковали все новые и новые силы фашистов.

Застава, истекая кровью, сражалась...

9. ПО СЛЕДАМ ЛЕГЕНДЫ

Об этом событии, похожем на легенду, автор узнал на берегу Буга, в музее обороны Брестской крепости.

Стояли жаркие, тихие дни июля шестьдесят второго года. Медленно, бесшумно текли воды Буга и Мухавца. Тихие ветлы росли на низких ровных берегах. И сидели с удочками рыболовы.

А вокруг лежали развалины. Красные кирпичные стены, израненные осколками и пулями. Черные глазницы окон. Груды камней, поросшие лебедой. Рваные остатки легендарных Тереспольских ворот. И мраморные мемориальные доски: «Здесь сражались...», «Здесь погибли...» И суровая тишина.

Проходя возле этих руин, я все время ощущал, будто предстал перед строгим судьей, который вправе спросить тебя: «А как ты жил? Что ты делал, когда здесь сражались и умирали герои?» Захотелось узнать еще и еще о подвиге защитников Брестской крепости, о том, как это все началось, как началась в этих местах война. Да, больше всего об этом. Ведь она началась отсюда, вон с того зеленого берега Буга, из-за тех рощ и лесов.

В Москве, на Большой Бронной, есть единственный в стране музей — советских пограничных войск. Когда выпадает случай, я прихожу в него, брожу под высокими тихими сводами, рассматриваю чемодан с двойным дном, захваченный у шпиона, чучело Ингуса — овчарки знаменитого следопыта Никиты Карацупы и многое другое. Так я уз-

нал и о хранящемся здесь документе, в котором упоминается о событии чрезвычайной важности: в самый канун войны западнее местечка Волчин переплыл Буг перебежчик. Он сообщил начальнику пограничной заставы, что ровно в четыре часа утра 22 июня Германия нападет на Советский Союз. Начальником заставы была объявлена тревога и тотчас послано донесение по команде.

Это и было первое упоминание о том самом факте, с которого начинается повесть! Но слишком краткое, сухое и неполное — всего несколько строк. Не указывалось ни имени перебежчика, ни фамилии начальника заставы, ни одной детали всей этой чрезвычайно волнующей истории. Говорилось только, что это произошло на второй заставе 17-го Краснознаменного погранотряда, штаб которого до войны находился в Бресте. И все.

Но и этого достаточно, чтобы начать поиски.

По моей просьбе редакция журнала «Пограничник» запросила Центральный архив пограничных войск: кто командовал второй заставой? И вскоре пришел ответ: «...в списках личного состава погранотряда, объявленном в приказе № 7 от 10 марта 1941 года, значится запись: «Застава № 2, начальник заставы младший лейтенант Горбунов Василий Николаевич, рождения 1916 года, образование 5 классов, русский, член ВЛКСМ, рабочий». Других данных о судьбе Горбунова В. Н. в управлении пограничных войск и Центральном архиве нет». И жив он или нет — неизвестно.

...И вот я в Бресте, брожу по развалинам крепости, хожу по музею, рассматриваю реликвии, которые там хранятся.

Удивительный это музей! Он занимает едва ли не единственное уцелевшее здание в крепости, за толстыми стенами которого держали оборону бойцы и командиры бессмертного гарнизона. Теперь здесь во множестве комнат первого и второго этажей выставлены экспонаты. С утра и до вечера идут и идут люди. С утра и до вечера звучат рассказы экскурсоводов и научных сотрудников. Здесь не бывает сонной музейной тишины. Музей этот — и летописец, и пропагандист, и боец. Это музей-воин.

Но есть в нем одна заветная комната за железной дверью, куда имеют доступ только сотрудники музея. Здесь тишина. В шкафах и на полках хранятся фонды: воспоминания участников обороны Брестской крепости, различные документы, редкие книги, фотографии.

Приходя каждое утро в музей, с разрешения его начальника я проходил в эту комнату за железной дверью, брал с полки папки и садился за стол у окна, заделанного железной решеткой. За окном звучали голоса, а я перелистывал страницы в папках одну за другой. Не найдется ли в них что-нибудь о младшем лейтенанте Василии Горбунове и его бойцах?

И вот на пятый или шестой день чтения пожелтевших страниц, когда уже почти пропали все надежды, натыкаюсь на папку с воспоминаниями А. П. Сергеева, и в них — имя Горбунова. Да, да,

Горбунова Василия Николаевича! Того самого! Наконец-то!

Младший лейтенант Сергеев до войны служил начальником физподготовки Брестского погранотряда и был хорошо знаком с Горбуновым. Они даже дружили. Но войну один встретил в Бресте, а второй в Новоселках, и они потеряли друг друга.

Читаю довольно пухлую рукопись, напечатанную через один интервал. Чрезвычайно интересную. Автор ее подробно и обстоятельно описал всю свою военную службу — от первого дня до участия в наступлении на Сталинград.

В этой рукописи и наткнулся я на упоминание о подвиге младшего лейтенанта Василия Горбунова. Аркадий Петрович описал его со слов очевидцев сразу же после выхода из окружения, где-то под Гомелем. Описал с некоторыми интересными подробностями, с фамилиями его соратников. Давняя, почти неизвестная история стала обрастать именами и фактами. Казалось бы, все хорошо... Одна беда: Аркадий Петрович не знал ни имени, ни дальнейшей судьбы человека, который переплыл через Буг и предупредил нас о войне. Ему ничего не было известно и о послевоенной судьбе Горбунова и оставшихся в живых пограничников. Где они? Что с ними?

Пришлось приняться за розыски.

Еще в Бресте я взял адреса всех оставшихся в живых и известных музею участников первых боев на границе и всем им разослал письма. Про-

сил сообщить, не помнят ли они начальника заставы Горбунова? Что с ним сейчас? И пусть каждый опишет до мельчайших подробностей последние недели, дни и даже часы перед роковым началом.

Одним из первых откликнулся на мою просьбу бывший политработник Брестского погранотряда Иван Константинович Иванов, проживающий сейчас в Ленинграде.

«Спасибо за то, что вы взялись за эту тему, — писал он. — Правда, порою тяжело возвращаться к тому, что было пережито, что долгое время было только твоими мыслями, но пора уже сказать людям всю правду о начале войны, и в этом вы найдете поддержку не только у меня, но и у моих друзей, в том числе у Горбунова Василия Николаевича, который жив и находится в городе Ярославле».

Жив! В Ярославле! Но то ли по забывчивости, то ли от волнения Иванов не указал ни улицы, ни дома, в котором живет Горбунов.

И снова пишу в Ленинград: адрес, точный адрес!

Наконец адрес получен. И уже к самому Горбунову летит заветное письмо.

Пока тянутся томительные и тревожные дни ожидания, получаю все новые и новые письма.

Но вот пришел, наконец, ответ и от самого Горбунова. Небольшое письмо, очень взволнованное. Вечером 22 июня он был ранен в руку и ногу, и оставшиеся в живых пограничники перетащили его в лес. Потом отступали, выходили из окружения. Как только зажили раны, он снова встал в строй. Принимал участие в великом сражении на бере-



гах Волги, во взятии Одессы, в штурме Измаила. Затем с боями прошел всю Румынию, Болгарию, Югославию, Венгрию и Австрию. День Победы встретил в югославском городе Загребе. Потом некоторое время служил в Берлине. Служил в армии еще долгих десять лет. Уже его бое-

вые товарищи давно вернулись домой, уже пошли в школу их дети, родившиеся после войны, а Горбунов продолжал выполнять свой воинский долг.

А сейчас, уволившись в запас в звании капитана, живет на окраине Ярославля на самом берегу Волги. У них с женой два сына: Олег служит в армии на территории Восточной Германии, Борис учится в школе. Жена Маша, теперь уже Мария Ивановна, заведует детским садом.

В апреле шестьдесят третьего года мы, наконец, встретились. Это был мужчина невысокого роста, узкоплечий, даже хрупкий на вид, с немодно повязанным галстуком, в широких брюках, какие теперь уже давно не носят...

Я жадно всматривался в лицо Василия Николаевича, вслушивался в его речь, приглядывался к манере держаться. Передо мной был человек внешне ничем не примечательный: глубоко запавшие глаза, широкий нос, множество глубоких морщин на лбу. Ему сорок шесть лет, и на висках уже серебрится седина. Многое пришлось пережить на своем веку этому сдержанному, скупому на слова человеку.

Часами бродили мы с ним в подмосковном весеннем лесу, и я все выпрашивал у него о Новоселках, о первом бое, о пограничниках, которыми он командовал. Горбунов рассказывал ровным глуховатым голосом, окая по-вологодски. Он оказался человеком прямым, даже резким: что было, то было, а чего не было, того не было, и нечего фантазировать! И лучше всего нам съездить бы в те места, где все это происходило...

В октябре того же года мы приехали в Польшу. Из Новоселок — прямо в Старый Бубель. Без виз, без пограничных паспортов, хотя и законно, по всем правилам так называемого упрощенного перехода государственной границы со служебными целями.

В назначенное время и в назначенном месте наша машина подъехала к Бугу. И в это же время к противоположному берегу подъехала машина с офицером польской пограничной охраны. Она въехала на паром, паром отвалил и медленно поплыл к нашему берегу. Он пересекал реку недалеко от того самого места, где двадцать два года назад переплывал ее Павел Калистратович Дудко. А мы стояли на том самом берегу, по которому шли тогда политрук Горбачев и ефрейтор Капинос, принявшие его тревожный сигнал. Вокруг было очень тихо и ясно. Мелкие волны шлепались о борта парома. Вот он привалил к берегу, машина съехала на песок и остановилась возле нас.

Из нее вышел польский офицер в коричневой шинели и коричневых брюках навыпуск. Щелкнув каблуками и браво вскинув два пальца к широкому козырьку фуражки, он представился:

— Капитан Александр Будых.

И добавил, что рад видеть советских товарищей.

Сопровождавший нас майор поздоровался с ним, как с добрым старым знакомым: не раз им приходилось встречаться по службе. Потом представил нас. Капитан Будых каждому отдавал честь, жал руку и называл себя. Он сказал, что советские товарищи могут немедленно въехать

в Польскую Народную Республику и чувствовать себя там, как дома.

Мы сели в свою машину, пересекли границу и вскоре съехали с парома на тот берег.

Да, разительные перемены произошли на наших границах!

Я видел, как крепче сжал упрямые губы Василий Николаевич Горбунов и украдкой смахнул слезу Павел Калистратович Дудко.

Сейчас они ехали в машине вместе со мной. Горбунов — по местам, где когда-то накапливался противник, Дудко — к себе на родину.

Отыскать Павла Калистратовича удалось лишь летом шестьдесят третьего года. Какой это милый, обаятельный человек! Увлекающийся, искренний, с открытым мужественным лицом, с ясными добрыми глазами.

Всю оккупацию Павел Калистратович провел с семьей в Старом Бубеле, не раз помогал советским бойцам, бежавшим из гитлеровского плена, переправляться на восточный берег Буга, а после войны переехал в Советский Союз и сейчас работает в Тосно на игрушечной фабрике.

И вот в октябре мы все трое — Горбунов, Дудко и я — взяли курс на Брест. Оттуда — в район Новоселок.

Сначала мы приехали в Волчин и остановили машину около бывшего здания штаба комендатуры. Теперь здесь туберкулезная больница. А все надворные постройки сгорели от немецких снарядов. Горбунов ходил и показывал: вот здесь стояла конюшня, вот здесь — столовая, здесь — склад.

Потом мы ехали по проселочной дороге, густо обсаженной ветлами, и Горбунов показывал, где и как они отступали и где у них был последний бой. Мы подъезжали к его бывшим «владениям».

Представляете, какое волнение охватило Горбунова, впервые вернувшегося сюда через двадцать два с лишним года! Он вышел из машины и быстро, не ожидая нас, зашагал к родной заставе. Вот завалившиеся, заросшие травой блокгаузы; вот булыжная дорожка, выложенная руками его бойцов; вот деревянное крыльцо, на котором он любил посидеть в свободные минуты; вот канцелярия, где отдавал свой последний приказ на охрану и оборону границы...

А затем, перебравшись на пароме через Буг, мы ехали по тем местам, где гитлеровцы накапливали силы перед прыжком на нашу сторону Буга. Вот в этих перелесках притаились их танки. По этим дорогам подтягивались их орудия. С этих ветряных мельниц и колоколен они наблюдали за нашим берегом.

Что напоминает сейчас об июньских событиях сорок первого года? Пожалуй, ничего, ровным счетом ничего. Выросли молодые сосны вместо тех, что вырублены были для разбойничьей маскировки военных стойбищ. Увезены в переплавку гильзы орудийных снарядов. Стерты с лица земли морщины гусеничных следов, заделаны шрамы окопов. Спокойно текут воды Буга, и прямо к нему сбегают огороды и выпасы польских хуторов и местечек. По улицам деревень и сел с гоготом прогуливаются тяжелые, жирные гуси. И в том самом доме, на высоком берегу Буга, где раньше размещалась гит-

леровская «ваха», — теперь польская начальная школа, и в ней обучается ровно сто мальчиков и девочек.

Времена изменились, но люди не могут забыть черных лет оккупации, и раны, нанесенные войной, не дают покоя.

И когда, встречаясь с местными жителями, мы им говорили, что вот этот гражданин в шляпе и есть бывший начальник Новоселковской заставы Василий Горбунов, все смотрели на него как на чудо, как на воскресшего из мертвых и начинали наперебой рассказывать, как героически сражалась на том, советском берегу Новоселковская застава.

Поиски его боевых соратников продолжают. Уже найдены некоторые живые участники тех событий, родственники и друзья погибших. Они-то и помогли восстановить картину одного из многочисленных, но славных подвигов, совершенных советскими людьми и их зарубежными друзьями в трагические июньские дни сорок первого года на западных рубежах.

ОГЛАВЛЕНИЕ

| | |
|--------------------------------------|-----|
| 1. Человек с того берега | 3 |
| 2. Друзья познаются в беде | 10 |
| 3. К чужому берегу | 29 |
| 4. Да, будем драться! | 41 |
| 5. Первые трофеи | 56 |
| 6. Гневная ночь | 66 |
| 7. Первые залпы | 88 |
| 8. До последнего патрона | 100 |
| 9. По следам легенды | 117 |

Мартьянов Сергей Николаевич

ПЕРВЫЕ ЗАЛПЫ. М., «Молодая гвардия», 1965.
128 с., с илл. (Б-ка «Честь, отвага, мужество»)

P2

Редактор А. Строев
Оформление художника О. Новозонова
Художественный редактор Г. Позин
Технический редактор Г. Лещинская

A02427. Подп. к печ. 20/X 1965 г.
Бум. 70×108¹/₃₂. Печ. л. 4(5,6). Уч.-изд. л. 4,9.
Тираж 115 000 экз. Заказ 1599. Цена 15 коп.
СПХЛ 1965 г., № 167.

Типография «Красное знамя» изд-ва
«Молодая гвардия». Москва, А-30,
Сушчевская, 21.

**БИБЛИОТЕКА
„ЧЕСТЬ. ОТВАГА. МУЖЕСТВО“**

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ
СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

- Е. Рябчиков,**
Засада на черной тропе.
- А. Лукин,**
Операция «ДАР».
- Л. Самойлов, В. Гирин,**
Выстрел в переулке.
- Ю. Тарский,**
Испытание огнем.
- Г. Боровик,**
Пылающий остров.
- И. Мызгин,**
Со взведенным курком.
- В. Смирнов, Ю. Попков,**
Трое суток рядом со смертью.
- В. Микоша,**
С киноаппаратом в бою.
- С. Голяков, В. Позинковский,**
Рихард Зорге.
- Д. Морозов,**
Бой без выстрелов.
- Петер Випп,**
Совершенно секретно.
- А. Леонтьев,**
Последняя радиограмма.
- С. Жемайтис,**
Взрыв в океане.
- П. Александровский, А. Егоров,**
Партизан Фриц.

